

ПИОНЕР

Апрель

Издательство „Правда“, 1944 год.

4

Будь готов!

Э. Александрова

Как давно всё это было...
Двадцать лет тому назад
Я с девчонками ходила
В пионерский мой отряд.

Разве это вспомнил нечем,
Или мне не хватает слов?
Мы здоровались при встрече:
«Будь готов!»

«Всегда готов!»

Мы любили утром рано
С песней выйти на парад,
С пионерским барабаном
Шёл по городу отряд.

По проспектам Ленинграда
Рядом весело идти,
Знамя нашего отряда
Развевалось впереди.

Под ногами было сыро,
По трибунам дождь стучал,
Но Сергей Миронович Киров
Нас улыбкою встречал.

Все мы ленинцами стали
После смерти Ильича,
И не зря нам имя дали
Юных ленинских внучат.

Мы не зря клялись в отряде
Двадцать лет тому назад —
И мои друзья в блокаде
Отстояли Ленинград.

Каждый в год тяжёлых
бедствий
Был спокоен и суров,
Ведь они узнали в детстве:
«Будь готов!»

«Всегда готов!»

XII пленум ЦК ВЛКСМ

Недавно в Москву на XII пленум ЦК ВЛКСМ съехались секретари обкомов комсомола со всей страны: и с Дальнего Востока, и с Севера, и с Юга, и из глубокого тыла, и из героического Ленинграда, и из областей, недавно освобождённых Красной Армией. Огромные задачи стоят перед комсомольцами теперь, в дни великих боёв и побед.

Пленум собрался за время войны впервые. О чём же говорили на пленуме прежде всего?

О школе. О воспитании и обучении ребят.

Наша партия и советское правительство постоянно заботятся о школе, об учителе, о воспитании и обучении пионеров и школьников. Благодаря этой заботе наша школа продолжает развиваться и улучшать свою работу даже в трудное военное время. Мальчики и девочки учатся раздельно. Введено обязательное военное обучение, чтобы вы росли сильными, волевыми людьми, готовыми стать отважными защитниками нашей любимой родины. Установлен приём детей в школы с 7-летнего возраста. Пятибалльная система помогает более точно оценивать успеваемость и поведение учащихся. Больше отпускается средств на народное просвещение, увеличена заработная плата учителям, быстро восстанавливаются разрушенные школы в районах, освобождённых от немцев.

Огромную роль в дальнейшем улучшении воспитания и обучения учащихся играет работа комсомола в школе. Пленум ЦК ВЛКСМ отметил, что прежде всего нужно исправить крупные недостатки в работе школьных комсомольских и пионерских организаций. В чём эти недостатки? В том, что многие школьные комсомольские организации работают несогласованно с директорами и учителями, обособленно от широкой массы учащихся, недостаточно борются за порядок и дисциплину в школе.

Во многих пионерских дружинах работа ведётся скучно, одинаково в старших и младших отрядах. А ведь пионерам 6-го класса не всегда интересно заниматься теми делами, которыми заняты, например, третьеклассники. Пионерские сборы не должны проходить как скучные собрания. Надо чаще проводить экскурсии, походы, военные игры, спортивные соревнования и смотры самодеятельности, устраивать выставки творчества пионеров.

XII пленум указал, что «главной задачей школьных комсомольских организаций является помощь учителю в его учебно-воспитательной работе, в воспитании школьников сознательными, дисциплинированными, всесторонне развитыми гражданами, готовыми пойти на любые трудности и испытания, выполнять любую работу, необходимую для родины».

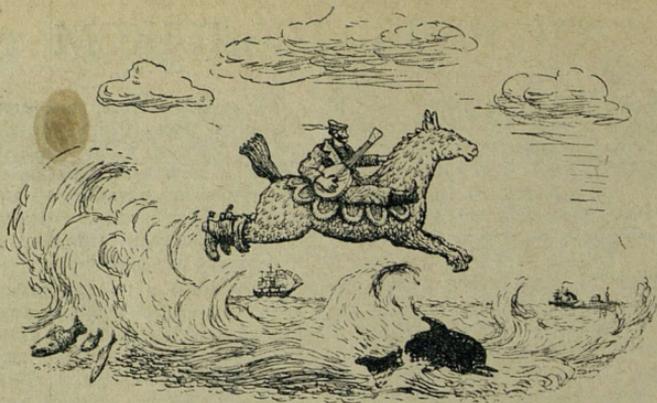
Комсомольцы и пионеры должны стать первыми помощниками директора и учителя, оказывать им полную поддержку в укреплении дисциплины и наведении порядка в школе. Они сами обязаны примерно соблюдать «Правила для учащихся» и требовать этого от всех школьников.

Учитель — старший наставник и близкий друг комсомольцев и пионеров. Комсомольцы и пионеры должны гордиться тем, что их организации тесно связаны с директором, классными руководителями. У комсомольцев не может быть никаких тайн от своих учителей. Пленум установил, что учителя, независимо от того, состоят они в комсомоле или нет, могут присутствовать на всех комсомольских собраниях учащихся и участвовать в их работе. При рассмотрении заявления о приёме школьника в комсомол необходимо учитывать мнение о нём учителя, классного руководителя.

Вы стремитесь, ребята, стать комсомольцами. Об этом мечтают миллионы старших пионеров. Лучших из вас пионерская дружина теперь сможет рекомендовать в ряды комсомола. Пленум установил, что рекомендация дружины приравнивается к рекомендации одного члена ВЛКСМ. Каждая дружина должна считать делом чести — готовить достойное пополнение рядов ленинско-сталинского комсомола.

Второй вопрос, который обсуждался на пленуме, — это ближайшие задачи комсомола в деревне.

Вырастить в 1944 году богатый урожай, обеспечить Красную Армию и страну хлебом, мясом, картофелем, овощами, а фабрики и заводы сырьём — вот главная задача сельского комсомола. XII пленум Центрального комитета ВЛКСМ призвал комсомольцев и комсомолок села, всю колхозную молодёжь самоотверженным трудом помочь Красной Армии скорее разгромить немецких фашистов.

Победа моря

Из повести об адмирале Макарове
Часть первая. 1851 год

Сергей Григорьев

Рис. П. Кузьмичёва

ОТЦОВСКАЯ ЗАБАВА

Отец схватил Стешка в охапку и подкинул выше своей головы.

— Держись! — крикнул отец и запел на плясовой напев:

«Ах, поплыли, полетели,
Полетели, поплыли!»

Любимая игра: Стешок лежит грудью и животом на ладони поднятой вверх правой руки отца и, когда отец поёт «Полетели», трепещет руками, изображая порхающего жаворонка. При словах «Поплыли, поплыли» полагалось загребать воздух руками и полагать ноги, подражая пловцу. Ещё недавно Стешок отдавался этой игре беспечно, с упоением, а теперь у него замирает от страха сердце. Рука у отца сильная, ладонь с крепкими пальцами, широкая. Он всё время следит, чтобы Стешок не кувыркнулся, удерживая его в равновесии с ловкостью балаганного гимнаста.

— Ах, ах! — вскрикивала в испуге мать, воздевая руки, когда Стешок начинал чересчур усердно «махать крыльями», чтобы взмыть вверх соколом, или с чрезмерной силой начинал работать ногами, думая и в самом деле уплыть по небывалой воде.

«Полетели, поплыли,
Поплыли, полетели,
Тонут, тонут,
Потонули!»

Внезапно Стешок чувствовал, что опора отцовской руки исчезает — и, сколько ни махи крыльями и ни загребай руками, приходится идти ко дну... Пожалуй, это в игре самое

приятное, зато и страшно! Над полом отец ловко хватает сына обеими руками, и, не дав стукнуться, ставит на ноги... Нынче Осип Фёдорович не справился — Стешок больно ударился босыми пятками о голый пол и заревел. Мать подхватила его на руки и, растирая ноги сына, гневно бранила отца:

— Доигрались! Хлопцу три года, а он для вас всё игрушка, ваше благородие...

— Да, брат Степан, тяжеленок ты стал, — говорит отец, ероша волосы на голове сына. — Вырос. Довольно. Поплавали, полетали — будет с нас. Шабаш!

Стешок заревел громче, но не от боли, а от того, что весёлой игре пришёл конец... Ни летать, ни плавать, ни тонуть больше не придётся. Слово отца крепко. Однако Стешок уже знает повадки больших людей и пользуется случаем что-нибудь выплакать.

— «Тонут, тонут!» — кричит он сквозь слёзы, вырываясь из объятий матери, и, умоляя, протягивает руки к отцу.

— Нет уж, брат! Раз мать не велит, — кончено. Баста. Отменяется раз и навсегда.

Стешок закатывается плачем, закрывает ладонями то оба глаза, то уши и притом начинает притворно икать.

— Хочешь папушника с мёдом? — шепчет на ухо Стешку мать.

— Не хочу! Хочу: «Поплыли, полетели!»

— Хочешь узварчу?

— Торгуешь, хлопчик! — подкашивает отец. — Смотри не прошдеши, проси больше!

— Чего же ты хочешь, назола?! — мать сердито трясёт Стешка и шлёпает ладонью.

— Хочу с нянькой на Ингул гулять...

— Дёшево отдал товар, — говорит отец усмекаясь, — надо было больше просить! —

Поворотясь к дверям, он выходит из комнаты и кричит во двор:—Нянька, ходи до барыни!

Стежок спохватился, что дешево продал веселую игру:

— Хочу к крестному на завод, на лодку хочу, на «Лоцию» хочу! К адмиралу-дедушке хочу, картинки смотреть!

— Ещё чего? — улыбаясь и целуя сына в мочки от слёз глаза, спрашивает мать.

— На море хочу!
Мать вздрогнула и гневно сдвигает брови:

— Я тебя! Ещё чего захочешь! Нянька! Где же ты?

— Есть! Вот и нянька в своём лице! — отвечает весело, вливаясь в комнату, мажор, широкий в плечах до того, что ему в дверь просунуться можно только боком.

— Эге ж! — качая седую стриженой головой, говорит нянька. — Благодарный, а плачет! Где же оно видано, чтоб благородные так себя аттествовали!..

У матроса по локоты засучены рукава, руки запачканы в красном бузином соку и мелом.

— Ничипор! Сведи уж малого до Буга, — говорит мать. — Только смотри, к воде близко не подпускай. Да не вздумай опять в лодке катать...

— Есты!
Стежок соскочилзнул с колен матери и тянет няньку вон из комнаты.

— Да не долго гуляйте! Орешку ещё набить надо! Не набил ещё орешку? — кричит вслед матросу и сыну мать и принимается, тихо посмеиваясь сама с собой, выбирать на варенье вишню, горой насыпанную на столе.

Вместо того чтоб вести Стешка на улицу, Ничипор поворачивает влево во двор, где над криницей кусты сирени, бузины и акаций образуют тенистую беседку. Стежок напрасно упирается в землю ногами и тянет матроса за руку, чтобы придать ему правильный курс.

— Куда ты, няня Ничипор? Не туда! Мама велела на Ингул.

— Мало что она ещё велит! — сердито отвечает матрос. — Дело порядка требует...

— Не дело, а гулять! Мама велела...

— Тебе на берег иди! — гулянка, а мне оно — тоже дело. Эх, проклятая служба!

Приговаривая, Ничипор берёт со стола большой медный таз с рукояткой и принимается тереть его тряпкой с мелом. Снаружи таз чёрен от копоти, а внутри вымазан красным соком бузины.

Стежок по опыту знает, что Ничипора нельзя переспорить, но всё же начинает в виде пробы осторожно хныкать.

— Похныкай у меня ещё — и совсем на реку не пойдём! Услышит мамаша, выйдет: «Ах, — скажет, — вы ещё не ушли гулять, вот и гарно! Вот и прелестно! Я забыла тебе ещё, Ничипор, наказать: вычистишь таз, наколешь антрациту, нащипаешь лучинки, накачай в поганую кадку из крыницы воды, а то она рассохнется, да потом ещё наруби в корыто крапивы гусям...» Вот тогда и будет тебе, хлопчик, гулянка!

Стежок испугался, что так и будет, если мать услышит его плач, зажал уши руками,

зажмурил глаза и повернулся к дому: не вышла ли мать на плач.

— Ты вроде птицы штрауса! — усмехаясь, говорит Ничипор, надвигая таз. — Мы на «Гайдамаке» в Алжире стояли, так я в зверинице видал птицу штрауса. Большая птица! Шибко бегаёт! Сядет на неё эфюн верхом и арапа конного обгоняет. А почитается штраус глупой птицей: испугается чего, штраус укрывается от беды, спрячет голову в куст, а сам весь наружи. И про людей, кто закрывают на беду глаза, а от пушки уши затыкают, — словом, прячут голову в куст, сказать можно: похож ты на глупого штрауса. Давайка, лучше я тебе сказку доскажу про Марью Моревну-морскую царевну да про Левона Копнотого... За сказкой все дела переделаем и не заметим, тогда и на реку пойдём...

Стежок соображает, выгодно ли эта сделка, и прибавляет:

— Ещё всё про птицу штрауса мне расскажешь. И про желтопузика. И про жунгли...

— На всё согласен!
Поплавав на ладони, Ничипор берётся за кувалду бить антрацит на «орешек».

НАЧАЛО СКАЗКИ

Под ударом кувалды в узловатых, жилистых руках Ничипора (он крикнул) глыба антрацита (тоже крикнула) рассеклась на множество одинаковых кусков, и все куски остались в куче. Стежок любил смотреть на работу своей няньки больше, пожалуй, чем слушать его были, сказки, басни и побасенки. У других, даже умелых, взять хоть бы отпа, при первом ударе по глыбе антрацита брызнут во все стороны мелкие осколки — поди потом, собирай их в траве! — а, глядишь, глыба целёхонька лежит — чуть ворохнулась.

— Видал? — говорит очень довольный первым ударом Ничипор. — Учись у меня, хлопчик. Твоё счастье — потом ты вырастешь, поймёшь, что тебя няньчил штрафной матрос Черноморского флота, можно сказать, арстант, Никифор Поступаев. У Никифора никакое дело из рук не вывернется. А почему? Потому что Никифор знает во всякой вещи боевое место. И не только вещи. В каждом человеке есть боевое место. Иного человека бьют, валяют, гулашат, мнут, треплют, крутят, выжимают, сверлят, долбят, рубят, а он всё цел. Меня ли не били? Цел! А почему? Никто моего боевого места не нашёл. А найди в человеке боевое место — одним словом, очень просто человека убить можно. Потому и цел Никифор Поступаев. А сам он во всяком деле сразу находит боевое место. Крик! — и готово.

Под вторым ударом расселась вторая глыба антрацита.

— Значит, так: учись находить боевое место и в камне, и в железе, и в людях, а главное, в самом себе найди и уж никому своё боевое место не показывай, береги. Так на чём же мы с тобой вечер остановились?

Стежок подсказывает:

— «Значит, так: не

стерпел того ипонский царь. И велит: «Свезить его с острова Ипона куда хотите, аль бы с глас моих долой...»

— Значит, так,—повторяет Ничипор,—«...с острова Ипона, куда хотите, аль бы с глас моих долой. А то он всех моих ведаюж и министров, да и меня с толку сбил. Соберу их государские дела решать, а он пройдёт под окнами с бандурой — ударит «Гопака». Мои министры подберут халагы, да и начнут откальявать — и я за ними. Так нельзя!»

Посадили ипонцы Левона Конопатога в лодку, повезли в далёкое море и кинули на пустом камне без воды и без пищи — одна бандура в руках. Вот-де, хотел ты ипонского плена изыгь, домой вернуться, возлюбил свободу, вот тебе и свобода. Ступай, как сам знаешь, на все четыре ветра. Значит, так: сидит Левон на пустом острове середь пустого моря и думает: «Как же теперь быть, на чём в Расаю плыть?» На бандуре океан-море не переплывёшь. А плыть надо три океана и семь морей. Другой бы с духом пал! Да не таков матрос Черноморского флота Левон Конопатый, чтобы духом пасть. Дело к ночи. Солнышко собирается месяцу вахту сдавать. Штиль совсем. Море не дышит, не шелохнёт — ровно зеркало гладкое. Сел Левон у самого края воды на камушек, подтянул на бандуре кое-какие струны и начал из них тонку свою выщипывать. Сидит Левон, тихонько играет и сам себе поёт. Расчёт у Левона обыкновенный: услышит песню береговой ветер, вздохнёт и понесёт песню далеко-далеко, в море-океан. А в море-океане где-нигде да штилюет русский кораблик! Долежит вздох зефира до кораблика, флаг и вымпел встрепенутся. Вахтенный начальник закричит: «Свистать всех наверх! Паруса ставить!» И пойдёт кораблик крутым бейдевиндом к пустому острову сымать матроса с камня. Надеялся так Левон, да не так вышло. Не успел ветер вздохнуть — ночь. Месяц на вахту стал. Светит очень сильно. Всё видать. И видит Левон: всколыхнулось близ берега море, круги пошла и вынырнула из глубы морская царевна Марья Моревна, неописанной красоты девида. Подплыла к самому камню, где Левон сидит, легла грудью на песок, подперла голову руками — слушает, с матроса глаз не спускает. Он хоть и конопатый, а лицо у него довольно приятное. А главное, уже очень грустно поёт да играет — прямо за сердце берёт.

Вздохнула Марья Моревна-морская царевна и говорит: «О чём ты грустишь, добрый молодец, русский матрос? До того тяжка твоя песня, что в море утонула, до дна морского дошла и я услышала в своём терему.»

«О том я грущу и о том плачу,— отвечает Левон Конопатый,— что пустился я объехать весь свет. Все земли прошёл, все океаны, края света достиг: хотел проверить, есть ли где земли лучше Расаи. Повидал все земли, все народы, пил воду из всех рек и закусывал всякими фруктами: апельсинами, лимонами, ана-

насами, бананами, — а нет слаще хвалынского анисового яблочка, да свежей воды, что изпод камушка бежит в быстрой речке Раменской... И уж хотел я в Расаю воротиться, да прознал про то твоей дяля Бурей, — не пускает и не пускает меня с моря: подуд, дохнула, завыл — завязался противняк от норда силою в двенадцать баллов. Паруса порвал, руль обломал. Правежу почти нет. Что тут делать? Гляжу, берег, хотя и чужой. И выкинул меня Бурей на остров Ипон. Попал я в плен к ипонскому царю. Только ипонцы моего характера не выдержали: я их пласом извёл,— вот и кинули меня на камень без всякого орудия — даже нож матросский огняи. Оставили олу бандуру. «Будь,— говорит ипонский император,— она проклята!» Вот и сижу на камне посереде моря—жу, кто меня с камня сымет...»

«Ох,— вздохнула Марья Моревна-морская царевна,— не скоро ты, русский моряк, здесь корабля дождёшься! Тяжка твоя доля, а песня твоя ещё тяжельше. Не может мой второй дяля, Зефир, её на крыльях поднять, до кораблика русского донесть — тонет твоя тяжёлая песня в море. Ипонцы—народ хитренный, они нарочно тебя завезли на гиблый камень, сюда никто никогда не плавает. Ты пойдёмка лучше со мной в подводное царство, в мой хрустальный дворец. Там живёт царь Морей. Отец мой. Да есть ещё у меня брат Трифон— вот и всё наше семейство. Мамаша у нас кончилась. Брат-то мой, Триша, вроде тебя, музыкант. Только он не на струнах, а на трубе играет. Сделал себе из раковины трубу и дудит в неё. Имей в виду и то, что царь Морей, родитель мой то есть,— плясать большой мастер и охотник. Трифон на дудке дудит, а папаша мой пляшет. Деаю у них идёт на спор: то ли папаша Трифона перепляшет, то ли Трифон папашу передудит. Только ещё ни разу не бывало, чтобы Тришка папашу дередудел, — у него уж, того гляди, щёки лопнут от натуги, а папаша кричит: «Давай, давай веселее!» Ты не очень задавайся, что ипонцев пласом замаял. Моего родителя не так-то оно просто до упаду довести! Значит, так! Приглянуса ты мне—я тебя и научу, если хочешь, как домой попасть. Хочешь?»

«Как не хотеть, очень даже!.. Да на чём же из вашего подводного царства я могу домой пуститься?»

Отвечает Марья Моревна-морская царевна: «О том не беспокойся. Родитель мой царь Морей любит покотаться, да и по делам царским ему приходится туда-сюда ездить. У него есть первое—Чёрный бык, второе—Конь златогривый, третье—двирьба Дельфин. На Чёрном быке мой папаша ездит дань собирать со своих подвластных, потому на быке больше увезёшь,—оно не скоро, зато споро. Конь Златогрив побыстрее. Его только двирьба Дельфин обогнать может. А уж быстрей Дельфина нет ни в море, ни над морем—его никто обогнать не может!»

Левон про себя смекает: «Конь — это будет дело подходящее. На быке мне везти нечего, а на двирьбе на берег не выехать». Думает так, а сам вслух говорит: «Мне хоть на быке, я бы хоть и на волках готов, лишь бы до Расаи добраться. Только, ведь, Марья Морев-

на, не даст мне твоей папаша, хоть и на короткое время, быка, что ли?!

«А ты сумеи моему папаше понравиться, тогда и даст. И вот ещё что, предупреждаю: не вздумай ты с царём Мореем перебораться. Он у меня ужасно спорить любит. У вас, в Черноморском флоте, есть, слышала я, сморитель исправительной Николаевской роты, его благородие прапорщик Макаров, ещё у него сынок благородный родился, Степаном звать. Знаешь ли такого?»

Стежок восхищён тем, что про него Марья Моревна слышала, и перебивает Ничипора:

— Макаров — то мой батюка, а благородный сынок — я!

— Значит, так! — согласился со Стешком Ничипор. — «Так этот Макаров страсть спорить любит. Сойдётся на улице с адмиралом Бутаковым — битый час спорят, три часа спорят, пока пушка к обеду не ударит... Да и меньшой сынок пошёл в папашу: упрям, как козёл...»

— Я не козёл! — обиделся Стежок. — Где у меня роги, борода?

— Не про тебя речь, а про царя Мореев... «Такой он спорщик, что прапорщик Макаров ему в подмётки не годится. Имей это в виду!» — говорит Левону морская царевна. Левон думает про себя: «А вот я у Мореев коня выпорю». А вслух говорит: «Я ни с кем никогда не спорю и со всеми согласен». На том слове Марья Моревна его и словила: «Ага, согласен! Значит, и со мной согласен в наше подводное царство?»

Значит, так! Левон-то — не то что глупая птица штрауса, чтобы голову в кусты, а хвост наружу, да и ушей не затыкал на то, что ему Марья Моревна напоевает. Протягивает ей руку и смело ступает за ней в море. Идут по бархатному песочку. Взглянул Левон в последний раз на ясные звёзды, на месяц — и вода морская над ним сомкнулась...

Ведёт Марья Моревна русского матросика за белую руку по бархатному песочку всё под гору. По бокам дорожки такие, цветут цветы, каких никому на берегу и во сне не приснится. Среди водяного леса вместо птиц золотые рыбки порхают. Смотрит вперёд Левон и видит: откуда ни взялись, шагают впереди морские агроладные раки с ружьями — целый взвод. Глянул через плечо, а позади эскадрон морсевой кавалерии на морских коньках замыкает шествие. «Эх, — подумал Левон, — попал я в плен хуже японского!»

Ничипор умолок, достал из кармана кисет, люльку, огниво, закурил и, пустив сизый дымок через ноздри, смотрит куда-то вдаль, горестно качая головой.

Выждав немного, Стежок робко спрашивает:

— А дальше что, няня?

— А дальше вон к нам твоя мамаша прибьётся. И будет теперь нам с тобой полировка.

ПОДВОДНОЕ ЦАРСТВО

Ничипор, тихо но очень строго и с угрозой предупреждает Стежку:

— Не будь птицей штраусом, реви смело, что гулять хочешь. Только не вздумай гово-

рить, что мы тут сказкой забавляемся. Мы тут с тобой дело делаем. Реви во всю мочь!

Мать приближается. Лицо её пылает гневом. Стежок, взвизгнув для начала на очень высокой ноте, начинает реветь басом во весь голос, смотря матери в глаза. А Ничипор бодро и весело говорит:

— Перестань реветь! (Тихонько: — Реви, реви!) Значит, так: газ мы с тобой вычислили, орешку чакоалли, лучины нащипали, покурили, все дела переделали. Будет реветь, кому я говорю. (Ревит громчей!) Теперь гулять пойдём! (Да, чорта лысого, пойдём!)

— Что же это такое, добрые люди! — разводит руками, дивится мать. — И в поганую кадку воды не накачал и гусям не замесил...

— И поросёнка не мыл! — загибая пальцы на руке, продолжает Ничипор. — Да ещё ввечер приказано было на свиной закуте крышу наново очеретом перекрыть, да третьевонди маину (ветром повалило) подвзывать, да о прошлой неделе собирались трубы чистить — давно пора, сажна на шесток сыплется, да я — тьфу ты, пропасть! — сколько делов! Да что я, каторжный? Пойдём-ка, хлопчик, на Ингул...

Ничипор сгребает Стежку в охапку и, не обращая внимания на хозяйку, выходит со двора. Поставив Стежку на тропинку, Ничипор широко шагает, ведя за руку мальчишку.

— Возьми на ручки! — испуганно озираясь на заросли бурьяна по бокам тропинки, произносит Стежок, хотя знает, что эта просьба бесполезна.

— «На ручки»? А ты иди скорей, а то, брат, тут жемчуг удав появился.

— Жунгли! — в ужасе бормочет Стежок.

— Да, брат, джунгли!

Кто-то из моряков недавно при Стешке сказал про заросли бурьяна, диких трав и кустов на улицах Николаева: «Это прямо индийские джунгли!» Чутким на новые слова ухом Стежок поймал, взяла на заметку и, лишь оставшись с нянькой вдвоём, спросил:

— Няня Ничипор, а какие джунгли бывают?

— Был я и в джунглях. Везде на суше плохо, а уж хуже джунглей, хлопчик, нет земли. Господь ли, черт ли сотворил эту землю? Однако думаю, что черт, а когда творил, так имел расчёт на великанов. Возьми, к примеру, наш очерет, камыш то есть: хоть и долгая, а трава. А в джунглях камыш, бамбук называется, такой, что небо подпирает, а толщиной с бревно. А растёт так скоро, что его благородие господин прапорщик Макаров скажет: «Ерунда! Чего моему сыну ерундой голову забиваешь?!» Раз я заблудился в этих бамбуках. Лёг соснуть, а шапку на бамбучок повесил, на вершинку. Проспался — ах, где моя шапка? Туда, сюда, нигде нет... Гляжу, а бамбучок-то, пока я спал, такой вырос:

что шапка-то хоть и на вершинке, а уж её мне не достать. Под самым небом качается. Полегла я на ладони и полез по бамбуку словно на грот-стенгу. Лез, лез чуть не до неба — да нам это дело привычное, — достал шапку... И зверю там всё на великанов приспособлены. Например слон. Или у нас кошка, а там кошка-тигра, больше нашей головы. У нас большие желтозубика змея не водится, а там змея удав длиной в сорок шагов, а толщиной в обхват. Или крокодила взять — вот это так ящера: человек ему на один глоток идёт! У нас черепаха с тарелку, а там — с лохань! У нас жук есть жук, а там — с голубя! А комары по воробью!

— А великаны?

— Великаны давно перевелись. Вот и суди, каково там человеку среднего роста, вроде меня!..

Стешку на улице, заросшей степным брянном, так же трудно и страшно, как в индийских джунглях человеку среднего роста. Справа и слева, чуть колышась, стоят стеною колючие цепкие травы, хватают сучками, цапают колючками, обжигают, царапают руки; повалика оплетает ноги, чтобы человек среднего роста упал. И ничего не видит в джунглях человек среднего роста за травой: ни домов на той стороне улицы, ни пожарной каланчи, ни корабельных мачт на рейде; ни соборной колокольни.

И до чего отраднo, когда кончатся страшные джунгли, вздохнуть речной свежестью вместо сухого аромата зрелых трав. И сразу открывается широкий мир. За синим зеркалом Лимана, над жёлтой чертой прибрежных скал, зелёные пригорки; узкая полоска суши; а дальше — это уже знает Стешок — начинаются разных цветов моря: Чёрное, Мраморное, синее, Красное, Белое, зелёное, Желтое, — и нет морям конца и краю. А небо над морями то синее в ясный день, то чёрное в шторм, то лимонножёлтое на рассвете, то огненно-красное вечерней зарёй, то белое в пургу... Ничипор и Стешок стоят над лиманом, дружки держась руками. Оба очень довольны. Стешок следит за тем, как согласно движутся облака и в небе и в воде, и спрашивает, указывая в глубину правой рукой:

— А тут может Марья Моревна показаться?

— Чудак человек! Само собой: из Лимана дорога прямо в море. Эх, кабы не котора мне офицерское дитя нянчить, ушла бы я с контрабандистами-трекосами — да опять хоть на чужом корабле — в дальние моря!..

Оба вздыхают. Помолчат, Стешок протит:

— Пойдём на вервь, Ничипор..

— Пойдём, пойдём, браток; куда захочешь, туда и пойдёшь, хоть к Марье Моревне, к самой морской царевне, в гости...

На вервь надо идти через мост. На верфи пошабалили на обед и после обеда отдыхают. Замолчали топоры. Не слышно весёлого звона кузниц. Около начатых кораблей, подпертых с боков на станалях, пустынно. Только маячат вахтенные да бродят собаки. С высоты селет и уселся спокойно на верхушку мачты степной орёл.

На мосту, не успев перейти, Ничипор повстречал знакомую куму Горпыну и остано-

вился с нею побаялять. У Горпыны через руку корзина с живою рыбой.

— Откуда рыбу несёте, уважаемая Горпына Симеоновна?

— Откуда же, как не с рыбного завода, Ничипор Игнатович.

— Что же это за рыба у вас, почтеннейшая Горпына Симеоновна? — спрашивает Ничипор, приподнимая одну из рыбин в корзине за хвост.

— Да какая же ещё, если не шаранчик! Что, вы рыбы не знаете, Ничипор Игнатович?..

— А я подумал, это секрет?..

— Шуткуете, Ничипор Игнатович, — улыбается Горпына, — секретов таких крупных не бывает.

Стешок сразу заметил, что у Ничипора с Горпыной разговор надоело, и не преминул воспользоваться этим. Тихонько освободив свою руку из руки Ничипора, он поднял с моста хвостину и, присев на корточках у самого края моста, заглянул в воду и там увидел смутное отражение своей головы.

— Над водой голову не выставляй, голова у тебя тяжёлая, — через плечо предупреждает Ничипор.

— Говорят «благородный», — замечает Горпына — а почему? Почему у Макарова старшине, Иван, или Яков, или Ганна — «подлые», а этот — «благородный»?

— Раз Осип Фёдорович стал офицером, его благородием, и сын родился, — стало быть, и есть сын благородный. А, по моему разуму, чести больше, что он боцманский сын.

Слушая краем уха этот разговор, чем-то для него обидный, а чем, непонятно, Стешок занят своим. Вот он протянул к самой воде конец прутка — и в воде появился тот же пруток. Взморщил концом прутка воду — и тот пруток в воде пропал. Не раз Стешок слышал от Ничипора непонятные слова: «Что наверху, то и внизу...»

А что, если там, внизу, под водой, где тоже тучи ходят, живёт в подводном царстве — не в сказке, а вправду — второй Стешок? И всё там так же? Или там всё не так, и живут там Марья Моревна и царь Морей, а у него Чёрный бык, конь Златогрив и див-рыба Дельфин... Вот прильвёт в Лиман Марья Моревна и скажет: «Хлопчик, пойдём до мене!»

— Не мужское это дело — детей нянчить, Ничипор Игнатович!..

— Да уж что и говорить, Горпына Симеоновна, не служба, а каторга! Да и хлопчик растёт самовольный: всё ему надо. За ним глаз да глаз нужен!

— А что, не пойти ли мне в гости к Марье Моревне? Мало ли что «не зовёт», — шепчет про себя Стешок. — Я самовольный, — к дедушке Бутакону пошёл, а он меня звал? А домой приду, стану крапивою полировать: «Зачем в гости к Марье Моревне пошёл, зачем? Она

¹ Молодой карп.

² Особая порода судака небольшого размера.

Штешок занят своим. Вот он протянул к самой воде конец прутка — и в воде появился тот же пруток.

тебя звала? А я скажу: «Я не сам пошёл, а нечаянно с моста скovyрнулся. Голову свесил. Голова и перетянула: голова у меня тяжёлая».

Штешок становится ногами на самый край моста и свешивает голову. Сердце замерло.

— Ах! — воскликнула Горпына, услышав всплеск воды под мостом...

— Бачии! Шо я вам казав: с ним глаз да глаз нужен! — кричит Ничипор, поспешно скинув на мост бушлат, шапку и стаскивая с ног сапоги.

Штешок бултыхнулся с моста и ушёл под воду. Хлебнув солёной воды, вынырнул и, треща руками, словно крыльями, закричал:

— «Полетели, полетели!»

— Хо-хо! — отозвался Ничипор. — «Поплыли, поплыли!» — и кувырнулся с моста вслед Штешку.

— «Поплыли, поплыли!» — кричал Штешок и начал загребать руками, дрыгать по лягушечьи ногами.

Это оказалось лучше. Штешок поплыл, но довольно быстрая вода его увлекла. Он изнемог, окунулся, вынырнул и отчаянно закричал:

— «Тонут, тонут!»

Потонули!»

И голова его скрылась под водой.

— Брешешь! «Поплыли!» — настигнув Штешка, матрос нырнул и, схватив под водой мальчишку за плечо, одним толчком ног вырвался наверх.

КОНЬ ЗЛАТОГРИВ

Выбрав на солнышке укромное местечко меж талов, Ничипор и Штешок, оба голые, сидели рядом на горячем песке над Ингулом. Развешенная на кустах, сушилась их одежда. Они ушли подальше от тех мест, где много купаются. Над пустынным заплёсом Лимана ходили голенастые кулики; отдыхали, подвернув голову под крыло, белые чайки; чибисы носились над водой с жалобными криками.

Ничипор, покуривая люльку, чему-то усмехается, смотря вдаль поверх полоски земли на той стороне Лимана. А Штешок с интересом прислушивается к тому, как бурчит и переливается у него в животе вода.

— Что: кусная вода в Лимане? ..

— Солёная...

— То-то! Бугский лиман — то же, что море. А вот в Днепровском лимане вода сладкая совсем, хоть и рядом, в одном русле, а вода разная.

Дав Штешку время подумать, почему это такое диво, Ничипор спросил:

— А что, хлопчик, скажешь, как мы домой воротимся? «Где вы пропадали?» — спросит мама.

— Скажу: был в гостях у Марьи Моревны, у морской царевны.

— Дельно! А она спросит: «А что ты там видел?»

— Я ничего не разглядел. Марья Моревна только меня за руку взяла во дворец вести, а ты меня вытасила...

— О том маме мы не скажем. Мы ей лучше подробно всё про подводное царство доложим... Чуя?

— Да, как же?! Ты мне не доказал!

— Придётся досказывать. Пока у нас с тобой портики сохнут, делать нечего. На чём мы давеча пошатались?

— Значит, так: «Эх,— подумал Левон,— попал я в плен хуже японского!»

— Значит, так: «..Хуже японского..» Левон зря сказал. Вовсе не так ему пока что худо. Идёт себе с Марьей Моревной, в ус не дует. Дорога всё в глубь идёт, в самые преисподние моря. Тут впереди поплыли светящиеся рыбы — вместо глаз у них фонари с абажурами,—вперёд дорогу освещают. Да и влади что-то забрезжило, дальше больше, ближе совсем светло сделалось. Сняет хрустальный дворец царя Морей, весь светится. И сидит сам царь Морей на высоком стуле в полном обмундировании: на ногах сапоги со шпорами, на груди орден — светлы мои! — некуда вешать! На голове корона самоцветная. А сам с бородой и довольно весёлый.

«Вот, батюшка, — говорит Марья Моревна, — привела я к вам этого матроса. Это он песню пел до того тяжёлау, что не мог мой лад, а ваш братец Зефир, её на крыльях унести, и потонула та песня в море до самой глубины и вас, батюшка, в печаль вогнала!»

Нахмурился царь Морей и говорит Левону грозно: «Как же ты смеешь, русский матрос, такие тяжёлые песни играть? Я человек нраву весёлого и печальных песен терпеть не могу!»

«А я, ваше морское величество, и весёлые песни играть могу. Не хотел я огорчать ваше величество, а очень по дому стосковался...»

«Добро! И плясовые играть можешь?»

«Почему нет — могу и плясовые».

«Прелестно! — обрадовался царь Морей. — В этом случае мы будем так. Пойдём на спор: если ты меня переиграешь, так бери любое из моих средств водяной коммуникации: хочешь Чёрного быка, хочешь коня Златогрива, хочешь див-рыбу Дельфина — а с господом богом отправляйся домой. А если я тебя перепляшу, то останешься ты навеки-вечные при мне придворным капельмейстером и за тебя отдам Марью Моревну...»

«Лестно мне, ваше морское величество, взять за себя девицу такой красоты, как ваша дочка, а на спор с вами идти не смею: в плясу вы непобедимый. А так, если вам спялать охота, то я сыграть могу, что прикажете: «Гопака», «Камаринского мужика», «По улице мостовой», «Ах вы, сени и прочее...»

«То-то! — ухмыльнулся царь Морей, очень довольный, что матрос такой вежливый. — А то вот сынок мой — по-вашему Трифон, а по-аглички Трифон — хотел у меня див-рыбу выпорить. Заметь себе: Трифон мой по му-

зыкальной части — первый в свете человек».

Трифон тут же, по правую руку царя Морей, стоит, и через плечо у него на ремне висит огромный рог, сделанный из раковины морской. Улыбавшись Трифон Морей, морской царевич, что папаша им похваляется, присоанился, гордо на Левона поглядывает и говорит:

«Ну и музыка у тебя — не то вело кормовое, не то большая поварёшка, матросам борщ разливать!» Тут у Левона вспыхило на сердце, и говорит Левон: «С тобой-то готов я поспорить! Против русского человека никто в музыке не устоит...»

«Что же,— отвечает надменный Трифон,—давай побьёмся об заклад».

«Прелестно! — закричал царь Морей. — Тебе, Трифон, наградой будет див-рыба Дельфин, а тебе Левон — Чёрный бык. Вы оба играйте, а я плясать стану!»

Видит Левон: Морей норовит ему Чёрного быка сбрызнуть. Смекнул Левон, что бык-то, видно, брачок имеет, с изысканьем, и отвечает: «Согласен и я, только мне приз будет не Чёрный бык, а конь Златогрив. Иначе не согласен!» Махнул рукой Морей: ему плясать приспичило: «Быть по-твоему, согласен. Играйте!» Ударила Левон по струнам и запел:

«Ой, лопнул обруч коло дички,
Дичатки мои, сырожижки,
Ой, думалась я, передумалась я,
Одурь голову бере,
Що не знаю, де живе!»

И Трифон надул щёки, задул в свой рог. Ни складу, ни ладу. Дерёт почём зря, за Левоном не поспевает...

А Морей в пляс пустился, сыну кричит:

«Ты к нему подлаживайся! Ты мне плясать только мешайся! Давай ещё! Дробнее!»

Задудел Трифон громче, а Левон заиграл чаще. Всколыхнул Морей своим плясом воды от дна до самого верха. И начался на море такой шторм, такой тайфун, такой бурган, что и сказать нельзя. Все четыре моревея брата: ледяной Бурей Морей, ласковый Зефир Морей, сухой Евёр Морей, мокродурь Нот Морей — тоже в пляс пустились. Им труба трифонова сигнала: дуй во всю. Пошла на море катавасия — и гром гремит, и ливень лёт, и снег сечёт, и смерчи до неба ходят. Забывали все ветра. Тонут корабли, гибнут души православыне. Тут взмолились русские корабельщики самому Николае, морскому богу: «Спаси нас, преподобный отец Николае!» Спускается Никола Морской с небес, нырнул в самое кипучее место и видит полное безобразие: царь Морей скачет, вокруг него Марья Моревна ходит кругом, платочком помахиивает, Чёрный бык ревет, топочет, землю копытами роет, див-рыба Дельфин в полном восторге кувуркается, конь Златогрив вихрем носится.

«Отставить!» — загремел Никола боцманским голосом.

Где тут! Трифон дудит, Левон поёт, бречит, Морей пляшет и только кричит: «Музыка!»

Никола к Левону: «Ты всему заводчик. Прекрати!»

Левон петь перестал, а играть своё продолжает и говорит Николае: «Осмелюсь доложить, ваше преподобие: и сам бы рад прекратить — руки о струны в кровь изодрал, — а пока Трифон дудит, я играть не перестану: надо мне приз взять или нет? На чём мне домой воротится? Да и не во мне сила, а в самом Морее. Разжёт я его донельзя. Теперь одно только средство: мне Морее самого переплясать.»

Никола, морской бог, соглашается: «Ладно, делай по-своему. Только, пожалуйста, кончай скорее во избежание общей гибели...» — и вознёсся на небо.

Трифон изнемог. Перестал дудеть — труба у него захрипела.

«Ага!» — кричит Левон. — «Мой конь Златогрив!»

«Твой-то твой, — отвечает Морей, — только играй!»

Не сдётся старик. А уж Трифон Морейч на земле лежит без дыхания, и рядом, лопнутая, его труба валяется...

«Да ты у меня, да я тебя! — строго уж крикнула на Морее Левон. — Я тебя не то что переиграть, я тебя перепляшу!»

«Ну, уж это нет! Пляши!»

Левон уж играть больше не в силах, а ноги свежи.

Переходит Левон на другой мотив:

«Гей, гоп, забалуки!
Набрались лихо муки!
Закаблукам лихо дам!
Достанется передам!»

И пошёл!

О земь каблуками бьёт, передами песок кидает. Где тут Морей? Упал старик. И вдруг настала на море и над морем великая тишина. Обратала Марья Моревна коня Златогрива, поводила Левону:

«Вот что я тебе советую: ты сыми с папаша, пока он без чувствия, сапоги со шпорами да в них переобуеся. Конь к отцовым шпорам привик, а то, пожалуй, он тебя слушаться не будет.»

Левон так и сделал: стянул с ног царя Морее сапоги. Тот и не ворохнулся. Только стало жалко Левону своего морского сапога и говорит: «Я в кавалерии не служил и даже не знаю, когда коню шпоры давать. Лучше я его самого обую в сапоги. Пускай он сам себя шпорит, когда потребуется...»

«И то!» — согласилась Марья Моревна.

Обули они коня Златогрива в моревые сапоги. Поцеловал Левон Марью Моревну в медовые уста. Она, сама собой, в слёзы. «Прощай, любезная!»

Сел Левон на коня, бандуру подмышку, разобрал повод, понукнул. Пришпорил сам себя коня Златогрив, вылетел стрелой из глубины морской и давай чесать. У Левона в ушах ветер свистит, дух занимается, однако правит твёрдой рукой: курс прямой — на Расею...

И уж видна Левону Русская коса и Суворовская часовня в Кинбурне, да слышит Левон за собой погоню. Морей-то с Трифоном

оклемались: «Ах, ах! Где Левон?» А его и след пропал! Естественно Марью за косу: «Не поймай!»

Сел сам Морей на Чёрного быка, а бык без шпор не идёт, уперся. Вскочил Трифон на див-рыбу и помчался догонять Левона. И совсем бы Дельфин догнал и уже норовит коню Златогриву прочкнуть бок острым своим спивроном¹, да не успел потаранить. Конь-то сам себя прищипорил, да так море всколыхнул, что Трифон с Дельфином сквырнулся. А конь Златогрив — гоп! — вон куда прыгнул.

— Видишь, хлопчик, на том берегу две ямины рядом? Это и есть ископты коня Златогрива... Как он копнул — Левон ему через шею, через Лиман да прямо в штаб командующего флотом: «Честь имею явиться!» Вот тебе и весь сказ.

— А сапоги? — спросил Штешок.

— Сапоги Левон, не скрою, пропил на радостях, что воротился к родному флоту. А где матросу денег взять? Зато казённые сапоги сберёг.

— А конь?

— Коня цыганам на базаре продаю.

— А куда цыгане дели коня?

— Слышал я, что спустили они его на Кубань казакам. Там от него пошла порода знаменитых жеребцов — рыжие, червоннозолотые. Лейб-гвардии кубанская сотня в Санкт-Петербурге вся на таких конях.

ПАРОХОД «ДУНАЙ»

Ни Штешок, ни сказочник, пока не кончилась сказка, не заметил, что у куста, став так, чтобы не выдать себя тенью, кто-то стоит. Штешка очень занимало, как будет Морей обходиться без сапог со шпорами. Ничипор почесал в голове. Штешок, ликуя, смеялся:

— Что? И сам не знаешь?

— Знать-то знаю, да тут надо ещё час рассказывать... А, слышал, на верфи сколько склянок пробили? Сапоги-то нашлись, царь Морей экспедицию послал за ними.

— Стаю быть, ещё сказка будет? — спросил кто-то у Штешка за спиной.

Ничипор вскочил на ноги и сорвал с головы шапку. Около их бивака стоял отставной адмирал Иван Николаевич Бутаков, опираясь на крымскую кизиловую палку, а серой люстриновой шинели, накинутой поверх белого кителя. Обут адмирал был в мяжки сафьяновые сапоги.

— Здорово, Поступасев, здравствуй, Степан!

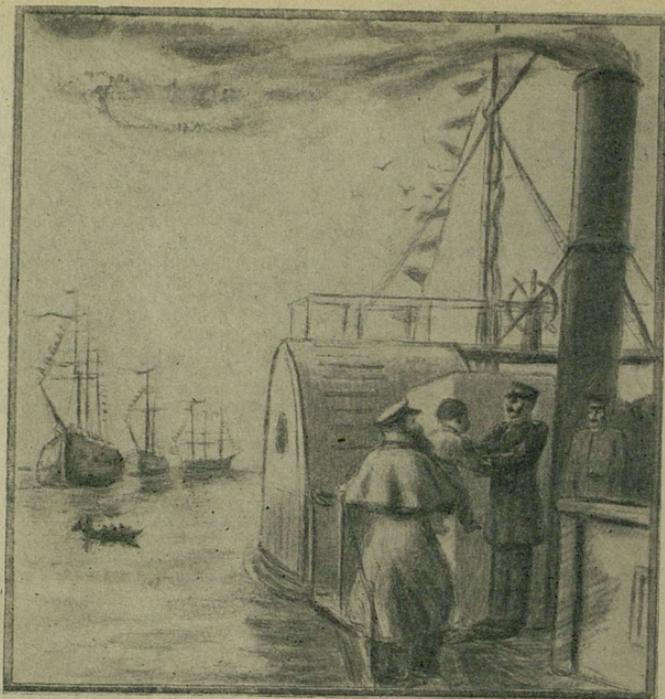
— Здравия желаю, ваше превосходительство! Подкрались вы к нам — и песок под ногами не скрипел...

— Дедушка! — схватив за руку адмирала, кричал Штешок: — Я в гостях был у Марьи Моревны-морской царевны!

— Ну-те-с? То-то, я смотрю, вы всё по кустам развесиши. С нянькой был в гостях? Ну-те-с?

— Нет, я один! Он меня не пускал!

¹ Спивроном — острый бивень на носу корабля для таранного удара.

— Вот тебе, Григорий, молодой моряк!

— Иван Николаевич, будьте милостивы! — взмолился матрос. — Не говорите мамаше их благородия, что я их в солёной купели окстил¹.

— А у меня в животе бурчит! — похвастался Стешок.

— Не скажу мамаше. Ну-те, сударь, если вы морской воды хватили, вам больше нянька не нужна. И следует вам теперь звать своего ментора уж не нянькой, а дядькой...

— Чувствительно благодарен, ваше превосходительство! А вы, Иван Николаевич, купаться пришли или аппетит нагуливаете?

— Какое там купанье с моими ногами! Нет, я так брожу. Места себе не найду: знаю, что не сегодня, а завтра «Дунай» придёт, а не терпится...

— Какой «Дунай»? — спросил Стешок...

— Ну-те-с?! Ты неужто не слышал: завтра мой Григорий приведёт из Англии пароход «Дунай».

— Иллюминация, конечно, будет? Салют! Жалко, что не вашему флагу Григорию Ивановичу салютовать! — говорит Поступаев.

Бутаков сердито морщится и роет носом песок:

— Подагра проклятая!

— Самая адмиральская болезнь, ваше превосходительство!

— Какой пароход? Какая подагра? — тербит адмирала Стешок.

— Пароход увидишь. А подагра — ноги болят...

— По горячему песочку босиком, слышал я, очень пользует...

— Дедушка, садись! — подхватил совет Поступаева Стешок. — Я тебя разую. Ты будешь царь Морей без сапог...

— Ну-те-с? — почти соглашается адмирал, но, подумав, решает: — Нет, уж я пойду, ещё в сапогах погуляю...

— О чём я хочу беспокоить ваше превосходительство просьбицей...

— Ну-те-с?

— Их высокоблагородие лейтенант Бутаков довольно хорошо меня знают. Не возьмут ли они меня на поруки из роты до срока на корабль? Вель я уж совсем справный...

— Не знаю. Зависит от Корнилова. За что в штрафные попал?

— За сказки на баке, Иван Николаевич: не те сказки товарищам рассказывал...

— Ну-те-с! Язык у тебя ловко привешен, а бодается зря. Ладно, скажу сыну. За результат, однако, не отвечаю.

¹ Окрестил.

Почему-то сердитый Бутаков роется в кармане кителя и протягивает Поступаеву медный пяточок:

— Спасибо за сказку... Жалко, начала не застала.

— Никак нет, ваше превосходительство, мне дороже рубля, что моя сказка вам к душе приладилась, а денег за сказки не беру. Христа ради ещё просить не доводилось.

— Ну-те-с, какой гордец! — адмирал немного смущён: — Я не тебе, а твоему новому крестнику на пряники...

— Премного благодарим, ваше превосходительство! — Поступаев кинул пяточок в шапку и надел её.

Адмирал, опираясь на кизилевый посошок, пошёл своей дорогой по горячему песку.

* * *

В первый раз Стешок узнал, что время может идти тихо: солнце долго-долго клонилось к закату. Ночью Стешок несколько раз просыпался, будил и спрашивал отца:

— Скоро, что ли, вставать?

— Солнце встанет — и мы встанем.

И сам отец спал плохо и просыпался чуть ли не чаще Стешка. Да едва ли кто в эту ночь спал спокойно в Николаеве. Первые три парохода в состав эскадр Черноморского флота привёз из Англии в 1849 году адмирал Корнилов. Говорили о них много, но ещё и теперь многие сомневались, может ли корабль ходить на парах, без парусов, и в шторм, и в шторм, против ветра. Статочное ли это дело? Отец говорит: «Ничипор всякую ерунду рассказывает». А это не «ерунда», что сам отец про пароходы, отходя ко сну, рассказывал сыну: «Пароход кричит!» «Как же может корабль кричать?» «Ну вот как журавли трубить». «Корабль — не птица!» «Пароход паром ходит». «Каким паром?» «Водяным, ну вот какой из самовара идёт, когда самовар вскипятят. Бьёт по воде колёсами и идёт!» «Хм! Колёсами по воде? У арбы колёса, у фуры колёса. А с колёсами корабль?» «Ну, он загребает вот вроде селезня лапками». «У корабля лапки?»

— Ерунда! — оборвал отца Стешок.

— Иди и спи, коль «ерунда!» Утром сам увидишь всю эту «ерунду».

Настало утро, и время побежало с небывалой для Стешка быстротой. Не успело рассветать, уж солнце скачет высоко по небу златогривым конём... Не успели позавтракать, все побежали к Ингулу. Работы на верфях и во всех портовых заведениях остановились. Стешок рвётся от отца, стоя с ним на мосту. Все куда-то с шумным говором бегут, и Стешку хочется бежать за народом. Издали, от самой, быть может, Русской косы, послышалось могучее мычание — это Чёрный бык царя Морея идёт? Из-за поворота направо выбежал внезапно невиданный чёрный корабль, растаивая по ходу гриву дымов из высоких труб. В Лимане несколько раз кубыркнута чёрный горб. Это показал перо дельфины. Наверно, он гнался морем за «Дунаем» — обогнал-таки!.. Пыхнули огнём и клубами дыма, загрохотали орудия. Каждая минута вспыхивала для Стешка молнией. Флаги весело трепыхались. Матросы белыми голубыми рассыпались по вантам кораблей. «Ура» прокатилось от края до края по берегам. «Дунай» по-лебединому крикнул, хвастаясь тем, что у него, кроме низкого, бычьего гудка, есть ещё звонко-крикливая сирена. Стуча лицами красных колёс, «Дунай» замедлил ход, остановился. Загрохотала якорная цепь. С плёском упал в воду якорь, всколыхнув воды Лимана. Пыльным султаном взвился над паромодом пар и зашипел.

Стешок бросил руку отца, увидев, что адмирал Бутаков идёт к шляпке у пристани.

— Дедушка, дедушка, возьми меня!

Матрос схватил Стешка в охапку и сунул на банку в шляпку рядом с адмиралом. Тремя гребками шляпка подлетела к правому, почётному трапу «Дуная». Адмирал взял на руки Стешка и, тяжело переступая больными ногами, поднялся по трапу. Навстречу ему протянулись чьи-то руки с золотым шитьём на рукавах. Так и обнялись Бутаковы — отец с сыном, — крепко прижимая Стешка каждый к своей груди. В глазах Григория Бутакова сверкнули слёзы.

— Вот тебе, Григорий, молодой моряк: вчера в соленой купели крестили.

Поставив мальчика на палубу, Бутаков положил ему на голову руку и сказал:

— Помни всю жизнь, что в первый раз вошёл на корабль по правому трапу. Адмиралом будешь!

(Продолжение следует.)

Барвинком к тебе крестоцветным склониться,
Степным ветерком осушать твои слёзы,
Обильным дождём над тобою пролиться,
Костром разгореться в крещеноких морозах.

К тебе бы причалить весёльцем кленовым,
Рекой протекать по родимой долине,
Чтоб ты поднималась зарницею снова,
Чтоб ты расцветала, как вишня, отныне.

Ни крови, ни сердца не жаль мне, родная,
Чтоб ты выростала в довольстве и счастье,
Когда же я пулю в бою повстречаю,
Я камешком лягу, не должен пропасть я.

В степи золотистой я встану криницей,
Близ нового дома дубком разрастусь я,
Созрею колосьями яркой пшеницы
И песней казачьей вдали отзовусь я.

В поле скину сапоги проворно,
Босиком я пахарем
Пойду.

Прошумели зори, словно зёрна,
И упали в молодом
Саду.

Дни переливаются дождями,
И зерно пригрелось
У земли.

Не стели дороги мне шелками,
А цветами густо
Устели.

А чтоб цвети быть не пустоцветом,
Буйно завяжь на глазах
Взялась.

Чтоб гречиха пела тихим летом
И тяжёлым мёдом
Налилась,

Чтоб клубника ягодой весёлой
На земле зелёной
Родилась

И в счастливой вечной дружбе села
За столы садилась
В добрый час.

Медицинская сестра

Наднях я получила письмо от своей племянницы Лизы Тумановой из города Кирова. Она просит помощи и совета. Дело в том, что Лиза мечтает стать медицинской сестрой. Недавно она организовала у себя в пионерском отряде санитарный кружок. Работа кружка уже совсем было наладилась, но тут девочки узнали, что в соседней мужской школе ребята изучают винтовку и пулемёт. Некоторые юные медсёстры вдруг охладели к своему кружку.

— Чем мы хуже мальчишек? — заявили они Лизе. — Почему мы должны обязательно изучать санитарное дело? Мы тоже хотим стрелять из пулемёта и винтовки, нам тоже хочется быть врагов.

Словом, работа санкружка оказалась под угрозой.

Мне кажется, что девочек, думающих как лизины подруги, немало, и поэтому хотелось бы через ваш журнал обратиться к ним с этим письмом.

Дорогие девочки! Мне понятен ваш порыв, ваше стремление научиться владеть оружием. Это — святое и законное желание советского патриота. Но разве, только непосредственно участвуя в бою, только действуя оружием, можете вы защищать родину?!

Может быть, я, как врач, немного пристрастна, но мне кажется, что медицинская помощь раненым бойцам и офицерам на поле боя или в госпитале — одна из самых благородных и прекрасных задач, какие только может поставить себе советская девушка.

Наши военные врачи, сёстры, санитарные дружинницы работают мужественно и самоотверженно и ради спасения раненых иногда жертвуют своей собственной жизнью. Читая лизино письмо, я невольно вспомнила медицинскую сестру одного танкового полка Клавдию Михайлову. Вот с кем бы вам поговорить! Эта маленькая и худенькая восемнадцатилетняя девушка в первые дни войны тоже нетерпеливо рвалась в бой, мечтала о жарких сражениях, о дерзких подвигах. Ей хотелось в строй, в окопы, на танк или за пулемёт. И когда вместо винтовки ей дали санитарную сумку, Клава была искренно огорчена. Прошло два с лишним года войны. Спросите теперь у бойцов и офицеров полка, кто один из самых храбрых и мужественных людей части, кому многие из них обязаны своей жизнью. Все в один голос назовут медицинскую сестру, гвардии старшину Клавдию Михайлову.

Я расскажу вам только один эпизод из её фронтовой жизни.

Танковый полк совершал дерзкий рейд по тылу противника. В одном месте танкисты прорва-

ли немецкую оборону и проникли километров на сто за линию фронта, громя фашистские гарнизоны, уничтожая железнодорожные станции, мосты, опорные пункты.

На одном рубеже полк встретил упорное сопротивление. Завязался горячий бой. Немецкой артиллерии удалось поджечь один из наших танков. Все бойцы экипажа были ранены и сами не могли бы выбраться из объёмной пламенем машины. На помощь им пришла Клавдия. Под огнём подползла она к горящему танку и одного за другим вытащила из машины всех членов экипажа.

Бой продолжался. Отважная девушка по-одному выносила раненых из-под огня в ближайшую лощинку, где стояла санитарная машина части, укладывала их здесь, быстро перевязывала и снова ползла обратно. Я не знаю, сколько таких рейсов на поле боя совершила в тот день Клава, но хорошо помню, что она доставила к своей машине восемнадцать раненых. Машина была полностью загружена, и Михайлова приказала шоферу трогаться в сачасть полка.

И вот тут-то всё началось. Вы помните, друзья, что танковый полк действовал глубоко во вражеском тылу. Пытаясь объехать опасные, простреливаемые места, шофёр сбился с дороги, и после нескольких часов блужданий стало ясно, что машина едет не туда, куда надо, и может попасть прямо к немцам.

Так оно чуть и не случилось. На опушке леса Клава и шофёр услышали за поворотом отчётливый лязг гусениц. Они остановили машину. Клава пошла на разведку. Добравшись до поворота, она осторожно выглянула и похлоделла: мимо неё, трохоча и вздымая клубы пыли, двигались два

бронетранспортёра с немецкой пехотой. Спасительная чаща леса и надвигающиеся сумерки скрыли санитарную машину и уберегли её на этот раз от немцев. Но что было делать дальше? Куда деваться здесь, в немецком тылу, с ранеными людьми? Никогда ещё за всю её восемнадцатилетнюю жизнь на плечи девушки не сваливалась такая забота. Раненые в машине тихо стонали. Один молодой узбек в бреду что-то напевал. Их жизнь теперь зависела от Клавы. На секунду ей захотелось опуститься вот тут на мшистую кочку и заплакать от своего бессилия, от жалости к раненым, от того, что всё так получилось.

Но тут же Клава, собрав всю свою волю, приняла решение.

— Будем двигаться ночью, скрытно, — сказала она шоферу. — И искать своих. А днём будем укрываться в лесах.

И они поехали. Трое суток блуждала машина в немецком тылу. Двигались ночью, обходя жилые места и проезжие дороги. Днём отсиживались в лесах, рощах, укромных лощинах. Все эти трое суток Клава не смыкала глаз. Она меняла раненым повязки, поила их водой из лесных родников, делала между ними небольшой запас пищи и как могла облегчала им боль. В эти дни ей пришлось вспомнить всё, чему она училась на курсах медсестёр, но этого было мало, ах как мало! У одного из раненых что-то осложнилось с рукой, другого вдруг стало сильно лихорадить, а рядом не было врача, у которого можно было бы спросить, что делать. Приходилось самой, на свой страх и риск, принимать решение и действовать.

— Сестрица, а сестрица! — говорили раненые. — Когда же мы приедем, наконец? Сил больше нет трястись!

— Скоро, скоро, ещё немножко потерпите — и всё будет хорошо, — с неизменной улыбкой отвечала им девушка.

И вряд ли кто-нибудь из раненых догадывался, что ночью, когда они засыпали, она не раз тихо-тихо плакала от неимоверной усталости, голода и, главное, от того, что не знала, как быть дальше. Но стоило только раненому тихо позвать: «Сестрица!» — как она торопливо вытирала слёзы и тотчас же являлась перед ним, бодрая, весёлая и заботливая.

На четвёртые сутки кончились последние остатки еды и медикаментов. Бинты намокли от крови, загрязнились повязки. Но перевязать было нечем.

— Прокopenko, — сказала Клава шоферу, рослому, усатому украинцу, отведя его подальше от машины. — Что же нам теперь делать, Прокopenko? Погубим мы людей, понимаешь ты это?

— Так что ж не понять, — хмуро ответил Прокopenko, с трудом поднимая воспалённые от

бессонницы веки. — Треба на якорь встать, приземлиться, одним словом.

— А немцы? — спросила Клава.

— Что ж немцы, найдут, — худо будет. Надо сделать, щоб не нашли, такой куток выбрать, чтоб сам господь-бог не отыскал бы.

И они стали искать. Ещё сутки кружила машина по степи, но возвращавшийся из разведки Прокopenko неизменно отвечал: «Немцы».

К рассвету второго дня они добрались до небольшой деревушки, скорее хуторка, одиноко стоявшего на маленькой речушке. Сразу же за выгоном начинался густой, тёмный лес.

Раненые уже перестали стонать: они лежали в каком-то томительном забытьи. Клава понимала, что промедление может им стоить жизни. И она решилась. Придав своему военному костюму возможно более гражданский вид, она осторожно, заданно, добралась до хуторка. В первой же избе, куда она постучалась, ей рассказали, что сейчас здесь немцев нет и они бывают наездами. Напрянут, пограбят, по пьянствуют и снова уедут. Узнала Клава ещё, что на хуторе живёт старушка, бывшая акушерка, которая всячески скрывает от немцев свою профессию.

Клава отправилась к ней. Её встретила седая худощавая женщина с ясными, ласковыми глазами. «Будь, что будет, — подумала Клава, — надо рисковать!» — и откровенно рассказала старушке о цели своего прихода.

Прокopenko был очень удивлён, когда вернулся, наконец, Клава решительно сказала:

— Поехали!

— Куда?

— Туда, к хуторку.

Они остановили машину в лощинке, в метрах трёхстах от хутора, дождались темноты и по-одному внесли всех раненых в дом акушерки. С помощью Клавы акушерка сделала раненым самые неотложные первичные операции. Сменила им повязки, напоила их, накормила. И только тогда девушка впервые за эти дни прилегла отдохнуть.

Целую неделю работал этот необычный советский госпиталь в немецком тылу. Несколько раз за эти дни в хутор приезжали гитлеровцы. Они пьянствовали в соседних домах, и Клава приоткрывала дверь, оглядывая деревенскую улицу: в кармане она сжимала рукоятку пистолета, готовая умереть, но не допустить немцев к раненым.

Но даже в эти страшные часы она появлялась перед бойцами внешне всё такая же спокойная, весёлая, улыбающаяся. И раненые ни о чём не догадывались.

Так прошло семь дней. А на восьмой где-то недалеко загрохотали пушки. Клава услышала отчётливый голос «катюши», и через несколько

часов колонна тяжёлых танков с красными зёздами на бортах остановилась на деревенской улице.

Вечером этого же дня все раненые были доставлены к нам в полевой госпиталь.

Вот как, дорогие девочки, завершился один эпизод из боевой практики медицинской сестры Клавдии Михайловой. Как видите, ей не пришлось ходить в атаку, стрелять из пулемёта или бомбить врага с самолёта. Но разве не железная выдержка и большая отвага помогли девушке спасти жизнь восемнадцати советским воинам?! Недаром же командование оценило это как боевой подвиг и наградило её орденом Красного знамени.

Спросите сейчас у нашей Клавды, довольна ли

она военной специальностью, не хочет ли переменить её, и она, как тысячи других медицинских работников нашей армии, ответит вам:

— Я спасаю жизнь раненым бойцам и офицерам, возвращаю их в строй. Разве это не благородная и высокая профессия?!

Вот почему я советую вам, дорогие девочки, старательно изучать медицинское дело, правила первой помощи, чтобы в нужную минуту вы смогли надеть через плечо санитарную сумку и уверенно выйти на поле боя, туда, где потребуются ваша помощь. А что касается героизма и подвигов, то это уже целиком будет зависеть от вас.

*Капитан медицинской службы
Е. М. Уманская*

В Крыму

По дорогам и горным тропам Крыма идут вперёд советские пехотинцы, грохочут танки, двигается артиллерия. Перед глазами воинов зелёные вершины гор, цветущие долины, сады, виноградники и ослепительное под весенним солнцем море.

Немцы истерзали, истоптали крымскую землю, но не смогли превратить её в мёртвую пустыню. Как ни тяжелы раны, нанесённые Крыму — жемчужине Советской страны, она всё равно прекрасна.

Гитлеровцы хотели отнять у нас, ребята, любимый Артек, всесоюзную пионерскую здравницу, но героические части Красной Армии очистили Крым от фашистских захватчиков, и наше красное знамя вновь гордо реет над Артеком.

Пройдёт немного времени, и на аллеях, площадках и пляжах Артека снова зазвучат весёлые голоса советских ребят.

Слава доблестным воинам Красной Армии — освободителям Крыма!

Фотографии

М. Калашникова.

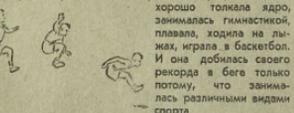

ЛЕТКАЯ АТЛЕТИКА

Заслуженный мастер спорта Н. Озолин

Одна девушка спросила, побьёт ли она рекорд Марии Шамановой в беге на 100 метров, если будет в течение нескольких лет тренироваться только в беге на короткие дистанции. Конечно, нет! Быстрота движений зависит от силы, выносливости и ловкости. А эти качества нельзя развить одним бегом. Обычно считают, что в беге развивается только ноги, а руки помогают сохранять равновесие. Но это не так. Попробуйте при быстром беге давать медленные движения руками. Или наоборот: идти медленно, а руками размахивать быстро. Ничего из этого не получится, потому что руки и ноги находятся в автоматической согласованности. Чем быстрее двигаются руки, тем быстрее бегут ноги. Вот видите, значит, для бега нужны сильные руки. Должны быть сильны и мышцы всего тела: они также участвуют в движении ног и рук. Мария Шаманова не только бегала на 100 метров; она установила для всесоюзных рекорда в прыжках в высоту и в длину сразбега, она хорошо толкала ядро, занималась гимнастикой, плавала, ходила на лыжах, играла в баскетбол. И она добилась своего рекорда в беге только потому, что занималась различными видами спорта.

Спорт воспитывает смелых, сильных и выносливых людей. Если хотите быть такими, полюбите спорт и занимайтесь им, не жалея времени. Но занимайтесь обязательно разными видами: зимнюю — лыжами, гимнастикой, баскетболом, в летнюю — лёгкой атлетикой, футболом, плаванием.

Что же такое лёгкая атлетика? Греческое слово *athliss* означает борьбу, упражнение. Атлетикой раньше называли вообще всякий спорт, но позднее втроевсё чаще лёгкой атлетикой (фиги, шенга) упражнения в ходьбе, беге, прыжках и метаниях стали называть лёгкой атлетикой.

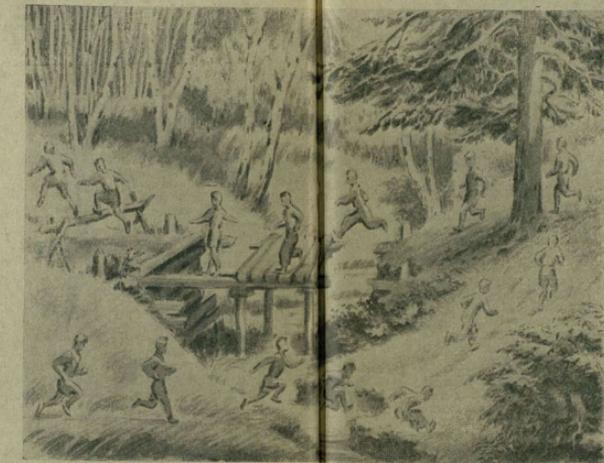
В наше время лёгкая атлетика — самый распространённый вид спорта. Она готовит людей, гармонически развитых, хорошо приспособленных к преодолению препятствий.

Занимаясь лёгкой атлетикой, вы воспитываете в себе силу, выносливость и смелость, вы готовитесь к тому, чтобы в будущем стать хорошим воином. Весна и лето — лучшая пора для лёгких атлетов. Чем же вы можете заниматься? Да всеми видами лёгкой атлетикой. Их очень много. Но для начала займитесь ходьбой, бегом, прыжками, метанием «дротиков» и гранаты.

Но беда, если у вас нет спортивного зала. Во все времена, где бы вы ни жили, заниматься лёгкой атлетикой, вы сможете сделать сами. Чтобеда зависит от ног, а руки — только

орудие победы», — писал в одном приказе великий полководец Суворов. Умеете ли вы ходить быстро, не уставая?

Лично вас проведёт колонна бойцов. Попробуйте, пройдёте с ними хотя бы 5 километров. Сразу окажется, что у вас мало силён, сразу заболит ноги. Почему? Потому что вы не подготовлены, не тренировались в быстрой ходьбе.

Если несколько человек идут из школы одним путём, можно устроить соревнование, кто быстрее пройдёт 500 метров. Потом увеличить дистанцию до тысячи метров. Сумеете пройти её за 9 минут — значит, ходите правильно и быстро. Первое время вы будете уставать, через месяц почувствуете, насколько меньше вы устаёте. Ходите быстрее — 110—130 шагов в минуту.

Это — одно из лучших упражнений для укрепления всего организма.

А умеете ли вы бегать? Много лет назад братья Зинаменские работали один на заводе молотобойцем, другой — в каменоломнях. Силы у них было хоть обьявляй, а

вот когда пришлось бегать, у них не хватало дыхания, они быстро уставали. Братья жили за городом, в нескольких километрах от станции. Чтобы стать выносливее, они решили не ходить к поезду и с поезда, а бегать. И вот в хорошую и плохую погоду Сарфим и Георгий каждый день пробегали путь от дома до станции и после работы — от станции к дому. Выналяли медленно, потом бы-

чувствуете усталость, сразу переходите на ходьбу, отдохните — снова бегите. Вынале, чем длиннее дистанция, тем медленнее должны быть бег. Но потом, через 5—6 тренировок, можно бег ускорить. Помните, что обьявляла не длина дистанции, а темп. Лагча выдержат длительный медленный бег, чем более короткий, но быстрый.

Наступила весна — пораcross. Бег по пересечённой местности, в лесу, в поле на свежем воздухе — лучшее упражнение для развития выносливости. Все спортсмены: легкоатлеты, футболисты, боксёры — весной занимаются кроссом. Начинайте тренировку так: с ходьбы и с медленного бега на 500—1000 метров. Потом постепенно увеличивайте длину дистанции до 3 километров и уменьшайте в ней ходьбу, но скорость бега не увеличивайте. Потом дистанцию постепенно уменьшайте, а скорость увеличивайте.

Учитесь прыгать. Прыжки в высоту и в длину сразбега делают вас ловкими и быстрыми, дают хорошую «пручужность». Когда вы научитесь прыгать на площадке, то сумеете перепрыгивать и через изгороди, канавы и ручьи.

Если вы умеете далеко бросить камень, значит, у вас хорошо развиты метание колья и гранаты. Вот, например, один из металателей колья бросил камень на 230 метров. Значит, у него огромная быстрота рычага, а в метаниях это — главное.

Сделайте себе картонки из прута и попробуйте метать сначала в цель, а потом на дальность. Дальше всего полетит «дротик», если его метать сразбега. Научитесь метать дротик — приступайте к метанию гранаты из различных положений.

Чтобы бросить гранату в цель, надо почаше в этом упражнении, пока вы не привыкнете соразмерять силу броска с расстоянием до цели и точно направлять бросок.

Метание колья и гранаты увеличивает лёгкость боков, подготавливающих мышцы и связки к более сильному.

На терьяте же времени, беритесь за дело. Не беда, если вы ещё слабы и не всё у вас получается. Но сразу стеньше рекордоманом.

Помните, что нельзя заниматься лёгкой атлетикой где и вообще фактурной от случая к случаю. Задавайтесь летом 2—3 раза в неделю — и осенью вы увидите, насколько вы стали сильнее и выносливее и как точны и быстры ваши движения. Устраивайте площадки спортивной соревнования; они покажут, кто больше успел, кому какие недостатки нужно исправлять.

Капитан НЕМО

Ник. Чуковский

рис. В. Цельмера

I

Ещё до знакомства с ним я слышал, что он самый молодой командир подводной лодки во всём флоте. И всё-таки был удивлён, когда его увидел. Небольшого роста, тоненький, с нежным лицом, на котором то возникал, то пропадал румянец, с мечтательными серыми глазами, он был похож на передетую девушку. И, как нарочно, его подчинённые были все люди крупные, рослые, плечистые. Особенно боцман, по фамилии Дыбин. В подводной лодке и без того места мало, но когда Дыбин заходил в отсек, он сразу заполнял собой всё свободное пространство. Штурман старший лейтенант Гусейнов тоже был из тех кавказских богатырей, которые одним ударом кулака валят с ног буйвола. Акустик Митрохин был хоть и не широк и, вероятно, не слишком силен, но зато высок, как столб, ходил пригнувшись, и узкое, резко очерченное лицо его всегда глядело на вас сверху.

Среди этих великанов капитан-лейтенант Снежков казался ещё меньше и моложе, а спокойный его голос — ещё слабее и тише. Нет, не такими представлял я себе настоящих моряков!

Я, кажется, тоже ему не понравился. Вернее, не я, а то, что посторонний человек, которому нет места в боевом расписании, идёт с ним в поход — проверять работу какого-то прибора. Впрочем, быть может, мне это показалось. Он не только никак не выразил своего недовольства, но, напротив, был очень учтив со мной. Он только спросил меня испытующе:

— А вы представляете себе, доктор, что может нас ждать в этом походе?

— Мне всё равно, — сказал я холодно. — Мне приказано проверить работу вот этого прибора, и я выполняю приказание. К тому же я с детства мечтал поплавать на подводной лодке.

— С детства? — переспросил он.

— Да, с детства, — сказал я. — В двенадцать лет я прочёл «Восемьдесят тысяч вёрст

под водой» Жюль Верна и решил стать подводником.

— Что же вы не стали подводником, если мечтали об этом с детства?

— Мало ли о чём я мечтаю с тех пор! — сказал я.

— Нет, я не так, — проговорил он задумавшись. — Мне тоже было лет двенадцать, когда я прочёл «Восемьдесят тысяч вёрст под водой». Мне захотелось стать капитаном Немо. Помните капитана Немо? И вот с тех пор...

Я вспомнил картинку, изображающие загадочного капитана Немо — сурового великана с курчавой бородой. Нет, маленький капитан-лейтенант Снежков нисколько не похож на него. Но этого я не сказал.

2

Беседовать нам больше уже почти не пришлось, потому что мы вошли в воды, где могли встретить противника, лодка погрузилась и Снежков был очень занят. А я в отведённом мне углу приступил к испытанию прибора.

Со своего места я видел акустика Митрохина, который сидел, прикаж к ушам наушники шумопеленгатора. Лампочка ярко озарила его лицо, заставшее от напряжённого внимания. Иногда к нему подходили Снежков и вопросительно взглядывал на него. Митрохин отрицательно качал головой. И чем дальше шло время, тем чаще подходил Снежков.

Я уже давно понял, что их заботит. Несколькими часами назад наши самолёты заметили в море караван немецких кораблей. Наша лодка должна была перехватить их в пути и атаковать. По вычислению штурмана Гусейнова, корабли эти должны были теперь находиться в том самом месте, где находились мы.

— Они где-то тут, — говорил Гусейнов.

— Их тут нет, — отвечал Митрохин. — Транс-порт в шесть тысяч тонн и три сторожевых катера! Неужели я не услышал бы шум их винтов?

— Посмотрим, — сказал Снежков и, приказав поднять лодку на перископную глубину, прильнул глазами к стёклышку перископа; Гусейнов стоял у него за спиной.

— Неужели не видите? — нетерпеливо спрашивал он.

— Не вижу.

Торопясь и волнуясь, Гусейнов стал показывать Снежкову свои карты. Это были морские карты, непохожие на наши сухопутные: море на них изображено множеством обозначений, а суша изображена в виде пустых белых пятен. На карты были нанесены Гусейновым два пути — путь нашей лодки и предполагаемый путь вражеского каравана. Оба пути скрещивались в том месте, где мы сейчас находились.

Гусейнов, блестя глазами и повышая голос, доказывал, что в его вычислениях нет ошибки.

— Конечно, ошибки нет, — сказал Снежков и положил маленькую свою ладонь на большую руку Гусейнова.

— Куда же они делись?

— Они переменили курс.

И Снежков, черкнув карандашом по карте, показал, как немецкий караван, внезапно изменив курс, пошёл по хорошо охраняемому протоку между шхерами в свой порт. Все молчали.

— Надо возвращаться, — угрюмо сказал, наконец, Гусейнов и свернул свои карты в трубку.

— Нет, — тихо проговорил Снежков.

— Куда же?.. — начал было Гусейнов, но вдруг осекся, словно ему не хватало дыхания.

И я понял, что он догадался о том же самом, о чём догадался и я.

— К ним в порт? — быстрым шопотом спросил Гусейнов.

Снежков кивнул.

— Пойдём к ним в гости, а? — обернулся он к боцману Дыбину, стоявшему у него за спиной.

И боцман ответил:

— Пойдём, товарищ капитан-лейтенант.

3

К порту можно было подойти разными путями — и слева от шхер, и справа от шхер, и между шхерами. Снежков выбрал не тот путь, которым, по его предположению, шёл вражеский караван, а другой, и мы лавировали среди укрепленных неприятельских островков.

— На встречном курсе слышу шум винтов, — сказал вдруг Митрохин.

— Вижу, — отозвался от перископа Снежков. — Сторожевой катер, — и приказал: — Срочное погружение!

Лодка погрузилась.

Митрохин поднял глаза к потолку, и я понял, что он слышит, как катер приближается к нам. Вот катер уже почти над нами. Вот

уже без всяких наушников слышно ленивое шлёпанье его винтов.

— Успел он заметить наш перископ? — шопотом спросил Снежков.

— Увидим, — сказал Снежков. — Если будет бомбить, значит, заметил.

Шлёпанье винтов по воде всё тише, тише. Вот их опять слышит один Митрохин.

— Это охрана порта, — сказала Снежков. — Они нас прозевади, — и приказал: — Полный вверх!

Лодка больше не высовывала перископ из воды. Мы шли под водой, прокладывая сложный курс в узкой горловине пролива. По черте на карте Гусейнова видел я, как пролив этот расширялся и как мы вышли в закрытый рейд перед портом. Об этом знали все, но в лодке ничего не изменилось. Все стояли на своих местах. Только приказания теперь передавались вполголоса.

— Слышу шум винтов, — сказал Митрохин. — Корабли идут нам навстречу.

— Сколько? — спросил Снежков.

— Не знаю, — ответил Митрохин. — Много.

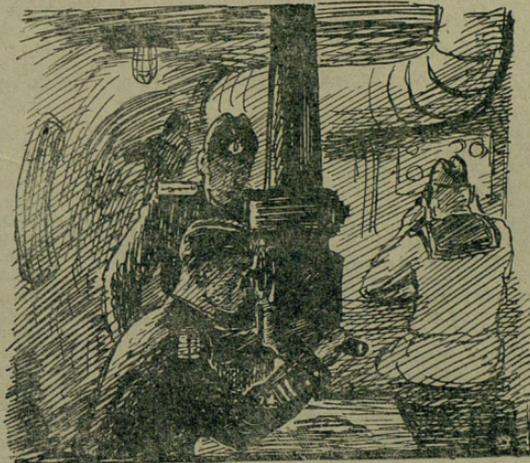
Лодка опять высунула перископ из воды.

— Поглядите, доктор, — сказал Снежков, обернувшись ко мне.

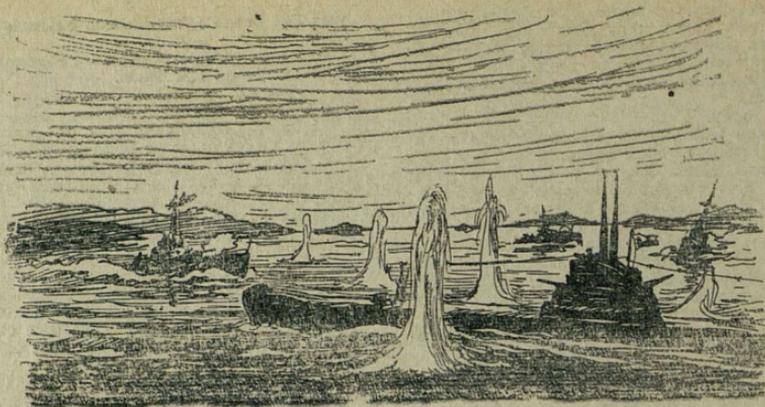
Через перископ я увидел зелёную рябь моря, берега, какие-то строения на них и огромный пароход, который дыма входил в рейд с другой стороны, по другому проливу, прямо нам навстречу. Три катера сопровождали его; они казались крохотными рядом с ним, и я заметил их только по белым бурунам.

Торпедист уже стоя между торпедными аппаратами, держа руки на рукоятках «пистолетов». Как все, я тоже перестал дышать и ждал, когда Снежков произнесёт «пли». Но он не торопился. Он вёл лодку на сближение.

— На борту орудия и кони, — проговорил он с удовольствием и крикнул: — Пли!

Снежков прильнул глазами к стёклышку перископа.

Катера неслись к нам с трёх сторон, вздымая белые буруны, и орудия их гремели, и снаряды их подымали вокруг нас высокие смерчи.

Лодку рвануло вверх, и я понял, что торпеда выпущена. Я представил себе, — сложная, умная, несётся она сейчас, как живая, черта по поверхности узкий пенистый след, и там, на огромном пароходе, видят её и знают, что ничего уже невозможно сделать. Секунда, ещё секунда, ещё секунда...

Взрыв. Глухой, но сильный и близкий. Лодка вздрогнула.

— Эх, доктор, посмотрите! — улыбаясь, сказал Снежков и за плечо подтянул меня к перископу.

Парохода уже не было.

4

Мы быстро погрузились и шли полным ходом.

— Нас бомбят? — спросил я.

— Ещё нет, — сказал Снежков, — но скоро будут.

И сразу нас тряхнуло, и я со всего роста упал на пол, огулашённый странным лязгом. Глубинные бомбы лягают отвратительно. И, прежде чем я успел подняться, снова ляг, толчок, и снова меня бросило на пол. Свет погас. Что-то посыпалось на меня со стен. Меня било, переворачивало, катало по полу, посыпало чем-то сверху. Я слышал голос Снежкова, но в этом прохоте не мог разобрать слов. Да мне и не нужно было его понимать. Не могу передать, какой радостью был для меня этот ясный, ровный голос среди мрака и лягза!

Когда включили аварийное освещение, я увидел, что осколки моего разбитого прибора валяются на полу передо мной.

Митрохин попрежнему был на своём месте. Лицо его при каждом взрыве искажалось от боли: ляг глубинных бомб, во много раз усиленный наушниками, рвал его барабанные перепонки. Но он наушников не снимал, а в перерывах между ударами сообщал Снежко-

ву, где находятся бомбящие нас катера, и Снежков кидал лодку то вправо, то влево, бешено кружил её среди растерзанной, крутящейся воды и уводил всё глубже и глубже.

— Тридцать четвёртая, — сказала я вслух, жадно хватая воздух между двумя ударами.

— Тридцать четвёртая, доктор? — услышал я голос Снежкова. — Считаете? Хорошо делаете. Тридцать четыре бомбы, а мы всё ещё целы. А?

Тут новый толчок, но совсем другой, непохожий на толчок взрыва, потряс лодку.

— Остановить моторы! — крикнул Снежков и бегом направился к носу.

Но навстречу ему уже бежал боцман Дыбин.

— Товарищ капитан-лейтенант, — сказал он, — носовые рули заклинило!

— Знаю, — ответил Снежков. — Мы врезаемся в мель.

5

Бомбить нас перестали. Моторы были остановлены, наступила необычайная тишина.

Лодка застряла в песке носом, корма её поднялась. По покатоному полу Снежков вместе с боцманом пошёл вниз, на нос, посмотреть, нельзя ли освободить застрявшие лопасти рулей. Они возились там долго, но все их усилия не привели ни к чему.

Снежков вернулся на центральный пост.

— Поалый назад! — скомандовал он.

Он хотел вырвать лодку из песка. Заработали моторы, опять мелко задрожали стенки отсеков, лодка ожила, корма поднялась ещё немного выше. И вдруг снова этот отвратительный ляг глубинных бомб. Снежков сразу остановил моторы.

Было ясно, что с помощью моторов вырваться немцы нам не дадут. Они прислушиваются к нам там, наверху, также, как здесь Митрохин прислушивается к ним. Шум наших моторов сразу выдаёт нас. Пока мы манев-

рировали, они тоже слышали нас, но мы уходили от них, и им не удавалось в нас попасть. Теперь, когда мы неподвижны, пасть нетрудно.

По правде сказать, я пришёл к заключению, что тишина тоже не спасёт нас. Лодка уже много часов была под водой, и воздух в ней не возобновлялся. Дышать нам стало трудно.

Я видел вокруг себя спокойные, обычные лица. Внутреннюю тревогу выдавали только те взгляды, которые каждый бросал на Снежкова. Они как бы безмолвно спрашивали его: «А ты знаешь, что нужно делать?» И Снежков так же безмолвно отвечал: «Знаю». Не то, чтобы у него был какой-нибудь особенно бойкий вид, не то, чтобы он небрежно улыбался: пустяки, мол, нам это ничоём. Нет, он, несомненно, был очень встревожен и не скрывал этого. Но, встречаясь глазами то с тем, то с другим, он, казалось, каждому говорил: «Потерпи немного, ещё не всё потеряно, я знаю, что нужно делать».

Начал он с того, что отвёл нас всех в последний отсек, на корму. Мы столпились там в тесноте, удивлённые, и ждали, что будет дальше. Снежков остановился перед нами и оглядел всех.

— Мы будем прыгать, — сказал он. — Слушай мою команду. Раз—два, прыгай!

И мы стали прыгать. Одновременно подпрыгивали мы и потом всей тяжестью обрушивались на пол. Раз—два, раз—два, раз—два!.. До чего тяжело прыгать, когда не хватает воздуха! Пот выступает от каждого усилия, затекает в глаза, в уши. Мы мокры, словно нас только что выкупали. Раз—два!.. Долго ли можно так скакать?

И вдруг с центрального поста голос:

— Лодка выпрямляется!

И, действительно, наклон пола стал как будто не так крут. Значит, мы прыгаем недаром. В восторге мы перестали следить за тем, чтобы подпрыгивать одновременно. Каждый прыгал по-своему, и в этом не было никакого смысла.

— Стой! — мягко сказал Снежков.

Обессиленные, мы прислонились к стенам, широко раскрыв рты. Нет, прыгать больше невозможно.

— А теперь обедать, — сказала Снежков.

6

Хотя мы не ели уже очень давно, есть никому не хотелось, и казалось странным, как в такую минуту можно было вспомнить об обеде. Но мы верили Снежкову, а потому и обедать пошли с таким чувством, словно этот обед может нам помочь подняться на поверхность.

Однако проглотить удалось лишь несколько ложек. Хотелось не борща, сваренного Серёжей, коком-торпедистом, а воздуха, только воздуха. У меня стучало в голове, и все лица я видел, как сквозь туман.

После обеда Снежков построил нас попарно и повернул лицом к корме.

— Бегом марш! — командовал он.

Мы все вместе побежали вверх по наклонному полу. В паре со мной бежал Гусейнов; кровь текла у него из носа, и он вытирал её

ладонью. Дыша этим отравленным воздухом, бежать было почти невозможно. Но мы бежали, так как Снежков считал, что это нужно. Мы бежали, так как знали, что надо бороться, пока не потеряли сознания от удушья. Добежав до кормы, мы медленно опустились к носу, построились, и опять:

— Бегом, марш!

Снежков хотел раскатать лодку и вырвать её из песка. После третьего пробега мы услышали голос боцмана Дыбина:

— Лопасты руля движутся!

— Двиньте ими ещё раз! — крикнул Снежков.

Вернее не крикнул, а прошептал, потому что кричать в этом полном углекислоты воздухе было уже невозможно. Мы замерли ожидать.

— Лопасты поворачиваются только на сорок градусов, а дальше не идут, — сказал Дыбин.

Мы опять построились и побежали.

— Сорок пять градусов!

И опять — бегом на корму, шагом на нос, бегом на корму. А сердце колотится так, что вот-вот полхнет...

Я прислонился к стене и широко открытым ртом глотал отравленный воздух. Прямо перед мной висел кусок электропровода, сорванный во время бомбёжки. Поражённый, я смотрел на него, не отрывая глаз. Неужели действительно провод висит вертикально?

— Капитан-лейтенант! Да посмотрите же!..

— Я знаю это уже две минуты, — сказал Снежков. — Мы освободились и лежим на дне. И, подойдя к Митрохиной, спросил:

— Ну, как?

Митрохин повернул к нему лицо, сжатое наущениями,

— Они сторожат нас, — сказал он.

7

— Ну, — спросил Снежков Гусейнова. — Что скажешь, штурман?

— Вздохнуть и умереть, — прошептал тот. — Умереть? Зачем умереть? Пусть лучше они умирают.

И он вызвал к себе оружейные расчёты.

А дальше всё случилось так быстро, что я не успевал понимать, что происходит.

Моторы наши снова работали, и мы шли вверх. И сразу одна за другой взорвались три бомбы. Но мы продолжали подниматься, и по лёгкому покачиванию я понял, что мы вышли на поверхность. Лок распахнулся мгновенно. И хлынувший оттуда воздух, влажный, холодный, живой, был так сладок, что за каждый глоток его можно было, казалось, отдать жизнь.

Я снова увидел небо, вражеский рейд, низкие берега шхер и три сторожевых катера. Они неслись к нам с трёх сторон, вздымая белые буруны, и орудия их гремели, и снаряды их подымали вокруг нас над водой высокие белые смерчи, перемешанные с бурным дымом. И тот катер, который был к нам ближе всех и загоразивал нам выход в открытое море, начал разворачиваться бортом, чтобы ударить по нас из кормовых своих орудий. Он подставил нам свой борт, Снежков

что-то крикнул, и сразу же наши орудия грянули, и чёрное облако дыма скрыло катер. Когда оно рассеялось, катера на воде уже не было.

Мы неслись между островами, и с островов в нас стреляли, и два катера гнались за нами, стреляя. Но мы проскочили узкое горло пролива, и, когда море раскрылось перед нами во всю свою ширь, Снежков увёл нас ввниз, лодка погрузилась, и катера потеряли её.

— Дайте мне чаю, — попросил Снежков, садясь.

И когда торпедист Серёжа принёс ему крепкого, почти чёрного чаю, он вдруг весело, весело посмотрел на меня серыми глазами и спросил:

— А капитан Немо пил такой крепкий чай?

Но я не ответил. Теперь мне не понравилось, что он сравнивает себя с капитаном Немо. Теперь я уже думал, что старый капитан Немо — мальчишка рядом с ним.

ОДИССЕЙ-ШТУРМАН*

Прежде всего обратим внимание на «ориентировку по звёздам», описываемую в поэме.

Одиссей должен был плыть, оставляя созвездие Большой Медведицы «по левую руку». Нетрудно сообразить, что путь его, в таком случае, лежит на восток, ибо Медведица стоит всегда в северной части небесного свода. Если север у нас по левому борту, то по носу будет восток. Это бесспорно.

Сложнее обстоит дело со вторым нашим вопросом, зато разрешение его ведёт к очень любопытным выводам.

Единственным указанием на географическую широту местонахождения Одиссея нужно считать слова о том, что Медведица в этих местах является созвездием незаходящим — «никогда не купает себя в волнах океана».

Большая Медведица в северном полушарии относится к созвездиям, расположенным сравнительно высоко над гори-

зонтом, очень близко к полюсу мира: недаром по ней мы обычно находим стоящую возле неё Полярную звезду.

Вокруг Полярной, как вокруг центра, она описывает свои ежесуточные небольшие круги. И если говорить о наших широтах, то она не только «не купается в волнах моря», но никогда и не приближается к нему.

Однако на экваторе, как известно, сама Полярная лежит на горизонте. Значит, тут, как и во всей тропической зоне, Медведице ежесуточно «погружается в волны моря», заходит за горизонт. Судя по этому, район плавания Улисса следует отнести к широтам достаточно высоким, удалённым от экватора и тропиков.

Тут-то вот и возникает странное положение.

Одиссей, как скажет вам любой историк, путешествовал в бассейне Средиземного моря, у берегов Греции. Но каждый опытный моряк наших дней знает: в этих местах Медведица является повсюду созвездием, заходящим за горизонт,

т. е. она великолепно «купает себя в волнах океана». Неужели же Гомер ошибся или сознательно погрешил против истины для красного словца? Это на него никак не похоже! Как же разрешить столь вопиющее противоречие?

Решение покажется довольно неожиданным для многих. Медведица, являющаяся сейчас заходящим созвездием в средиземноморских широтах, две-три тысячи лет тому назад была незаходящей группой звёзд в этих же местах. Земная ось подвержена медленным многовековым колебаниям, и в разные времена различные звёзды, оказываясь попеременно более или менее близкими к полюсу мира, соответственно делаются различно расположенными над горизонтом той или иной страны.

Следовательно, Гомер и не ошибся и не солгал. Напротив, случайно обронённое им «навигаторское» замечание может служить лишним доказательством седой древности, во дни которой легендарный распад творил свои бессмертные строки.

* Ответ. См. журнал № 1, стр. 32.

Н. А. Римский-Корсаков

В одном симфоническом концерте произошёл небывалый случай. Исполнялось «Испанское капричио» Римского-Корсакова. Но почему-то на концерт не явился один из оркестрантов — тот, кто должен был исполнять партию кастаньет. Дирижёр — высокий старик с большой седой бородой — очень волновался. Публики в зале было много, все проявляли нетерпение, пора было начинать, но как же начинать без кастаньет, играющих в «Испанском капричио» такую важную роль? Положение было безвыходное.

Тогда к дирижёру подошёл старичок скромного вида, с небольшой седой бородкой, обаятельный и мягкий в обращении, и предложил свои услуги в качестве исполнителя партии кастаньет. Положение было спасено, и концерт прошёл превосходно. Кто же был дирижёр, и кто тот старичок, который «выручил»? Пожалуй, не догадаетесь. Оба они величайшие русские композиторы: дирижёр — Николай Андреевич Римский-Корсаков, автор «Испанского капричио»; исполнитель партии кастаньет — Пётр Ильич Чайковский, тогда уже автор многих симфонических произведений и опер, в том числе таких знаменитых, как «Евгений Онегин» и «Пиковая дама».

Николай Андреевич Римский-Корсаков, столетие со дня рождения которого мы сейчас отмечаем, дирижировал многими концертами, в которых пропагандировал русскую музыку; был профессором Петербургской консерватории и воспитателем многих первоклассных, выдающихся музыкантов; руководил духовными оркестрами Морского ведомства; вёл педагогическую работу в Придворной капелле.

Но главное и основное значение Римского-Корсакова в его творческой, композиторской деятельности, — пятнадцать опер, больше дюжины симфонических произведений, около восьмидесяти романсов, три кантаты — таков далеко не полный список сочинений Римского-Корсакова, составляющих славу и гордость русской музыки.

Римский-Корсаков был одним из активных членов балакиревского кружка, или, как его иначе называют, «могучей кучки». Его друзьями и соратниками были такие замечательные композиторы, как Балакирев, Кюи, Мусоргский и Бородин. Все эти композиторы стремились продолжать и развивать великое

дело, начатое Глинкой, — создание русской национальной музыки, основанной на русской народной песне.

Римский-Корсаков в своих многочисленных операх показывает себя настоящим патриотом своей родины: любовь ко всему русскому — к народной сказке, к бытине и легенде, к русской природе, к русским песням, обрядам и хороводам, к русской поэзии, — всего этого нельзя не заметить и не оценить, когда слушаешь и смотришь в театре такие оперы, как «Снегурочка», «Садко», «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане» или «Золотой петушок».

Римский-Корсаков писал оперы на различных сюжетах: исторические, бытовые, сказочно-фантастические. Но его богата фантазия особенно пышно развораживалась в операх-сказках. Как мудрый कुдесник, Римский-Корсаков показывает целый мир причудливых образов русской сказки. Обросший мхом леший; сотканная изо льда и снега, тающая при первых лучах жгучего солнца девушка Снегурочка; добрый и мудрый царь Берендей; покрытые водорослями обитатели морского дна — царь морской и Волхова-царевна прекрасная; лебедь-птица, превращающаяся в царевну, у которой во лбу звезда горит, а под косой луна блестит; вырастающий из земли волшебный город Воденец; седой и злой колдун Кашей бессмертный и его коварная и властная дочь Кашеевна — все эти сказочные образы поражают богатством фантазии и роскошью красок.

Но и бытовые образы его ярки: суровый царь Иван Грозный; красавица Марфа, ставшая жертвой злого коварства; девушка Купава, всем сердцем любящая жениха; смешные и гостеприимные Бобыль и Бобылиха; скомоорохи и купцы новгородские; гусяры и калки переходящие.

«Не счесть алмазов в каменных пещерах, — поёт индийский гость в опере «Садко»; «Не счесть красот в музыке Римского-Корсакова», — можем мы сказать, слушая этот сверкающий, переливающийся всеми цветами радуги оркестр, эти чарующие мелодии.

Музыка эта доставляет радость и высшее наслаждение миллионам людей.

Б. Левик

На картине художника К. Лебедева изображена новгородская пристань в XIII—XV веках.

Новгород — исконный русский город. Среди русских земель, в удельные времена, Новгород занимал особое положение. Удаленный от Киева, стольного города древней Руси, он стал в стороне от княжеских усадеб, не знал половецких разбоев, не испытал прямого гнета татар, в глаза не видал ордынского баскака. «Господин Великий Новгород» — так именовала себя эта воляная городская община.

Край, лесной и болотистый, не давал новгородцам хлеба, а близость к торговым дорогам: Волге, Днепру, Западной Двине — и прямой путь по Волхову в Финский залив к балтийским берегам рано втянули новгородцев в торговлю.

Множество судов шло по Волхову и причаливало к новгородской пристани. Река делит город на две стороны: Торговую — на восточном берегу, где был главный рынок — торг, — и Софийскую — на западном, где уже в X веке был выстроен соборный храм Софии. К торгу примыкала площадь — Княжий, или Ярославов, Двор, — а на площади возвышалась «степень» — помост, откуда посадники обращались с речами к вечеру. Рядом вечерая башня с вечерым колоколом. Обе стороны смыкались великим Волховским мостом. Не раз он был свидетелем раздоров. Случалось, что собиравшиеся два веча — на Торговой и на Софийской стороне. Они сходились на мосту и силой, в побоище, решали спорные дела.

У Новгорода не было постоянных князей. Князь

должен был служить городу, а не править им.

Торговля была главным делом новгородцев, и князь нужен был не только для обороны границ от ливонских немцев и других врагов, но и для защиты и охраны торговли.

Новгород был торговым посредником между Западом и Востоком. Недаром на набережной топятыся не только русские купцы из разных городов — суздальцы, тверичи, псковичи, киевляне, — но и много заморских гостей: их легко отличить по одежде.

Главный товар, который нужен был всем, — хлеб. Его везли с Волги и Днепра. На картине сразу видишь белые мешки с мукой. В больших тюках сукна из Англии и Фландрии, полотна из Нидерландов. Рядом бочки с пивом, сельдями и вином. Варажские купцы покупали здесь персидские шелка, пряности, алмазы и жемчуга. А новгородцы из своих земель предлагали полотно и лён, мех и кожи, бочки с воском, ворванью и дёгтем.

Высокие каменные стены, башни и церкви сразу говорят нам о силе и богатстве города. Он и в те времена был красив. Прекрасны новгородский Кремль — детинец, — собор Софии и её звонница.

Вандалы-немцы не пощадили этой старины: они разрушили детинец, храм Софии и разобрали на части памятник тысячелетия России, воздвигнутый в 1862 году. К счастью, им не удалось его украть. Красная Армия освободила Новгород, и теперь весь советский народ поможет великому городу восстановить его былую красоту.

После уроков

Отзвенел последний звонок. Кончились уроки, быстро пустеют классы и коридоры. Ученики расходятся по домам. Как они проводят свой досуг, чем занимаются в свободное от занятий время?

Там, где пионерская дружина энергична и изобретательна, школьники по вечерам не скучают. Непривычная тишина в школе длится там недолго. Пообедав, отдохнув, сделав уроки, ребята возвращаются в школу. Каждого здесь ждёт интересное и увлекательное дело.

Наш фотокорреспондент посетил две школы в Успенском переулке в Москве—женскую школу № 169 и мужскую—№ 636. Вот что он увидел.

В пионерской комнате заседал штаб дружины. Члены штаба решали, как лучше организовать выставку работ школьных кружков. Дело это нешуточное. Кружков в школе много, и у всех у них есть что показать, есть о чём рассказать. Фотокорреспондент убедился в этом, пройдя по комнатам, где в этот вечер, как и всегда, шла хлопотливая и деятельная жизнь.

В 6-м классе «А» он застал группу девочек, занимающихся рукоделом. Руководит этим кружком заместитель начальника штаба дружины Галя Иванова. Сама искусная мастерица, она научила девочек своего отряда вышивать, и теперь их замечательными вышивками восхищается и гордится вся школа.

А как увлекательно проходит вечер у актёров школьного кукольного театра! В их умелых и ловких руках забавные петрушки и матрёшки оживают, захватывая зрителя своими необычайными приключениями. Кукольный театр дал уже не одно представление в школе и в подшефном детском доме. Он пользуется заслуженной популярностью, а Мила Томашевская — лучшая актриса театра — стала всеобщей любимицей.

Выстирать и починить свой платье, заштопать чулки, выгладить — всё надо уметь делать хорошо, быстро и аккуратно. Этому в кружке домоводства учит девочек

Заседает штаб дружины.

Люся Макарова и Мила Томашевская.

преподавательница 4-го класса Александра Ивановна Смарица, и девочки успешно осваивают это из первого взгляд нехитрое, но такое нужное дело. Они чинят не только своё платье, но и починили уже много одежды для детей фронтовиков. Недаром школьницы получили одиннадцать грамот райисполкома за отличную тимуровскую работу.

Хорошо поработав, приятно и повеселиться. Девочки идут в зал играть в волейбол, занимаются в хореографическом кружке.

В одной из комнат звучит роаяль, слышится звонкая песня: это готовит новую программу пионерский кружок художественной самодеятельности; руководит им пионерка Ира Моисеенко.

Сорок девять певцов, танцоров и чтецов с большим увлечением занимаются в кружке. Недавно на пионерском костре в школе и в госпитале они показали свою новую большую работу — литературно-художественный монтаж, посвящённый героям Отечественной войны.

Сегодня они разучивают новую песню.

Незаметно проходит вечер и у старших школьниц. После занятий в кружках они уходят к своим друзьям в соседнюю мужскую школу. Здесь они вместе учатся танцевать, готовятся к концертам. На ближайшем концерте Боря Ушаков будет петь, а Вира Воскресенская — аккомпанировать ему на роаяле.

Учащиеся обеих школ крепко дружат между собой. Вместе устраивают праздничные вечера. Девочки помогают соседям уютно обставить и украсить школу. Мальчики охотно принимают участие в тимуровских делах школьниц. Не раз они по просьбе девочек пилили и кололи дрова семьям фронтовиков, чинили электроприборы, производили несложный ремонт в квартирах.

Обе школы вместе устраивают лыжные выезды, экскурсии в

В кружке домоводства.

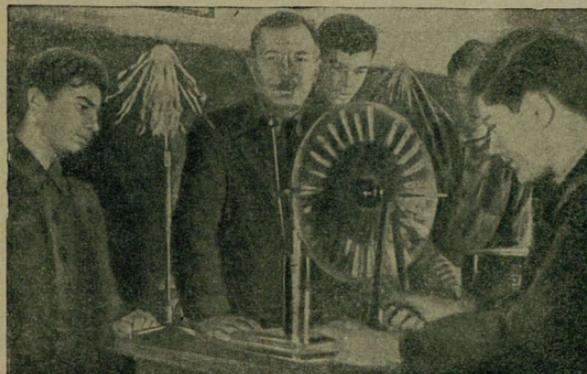
Починим одежду детей фронтовиков!

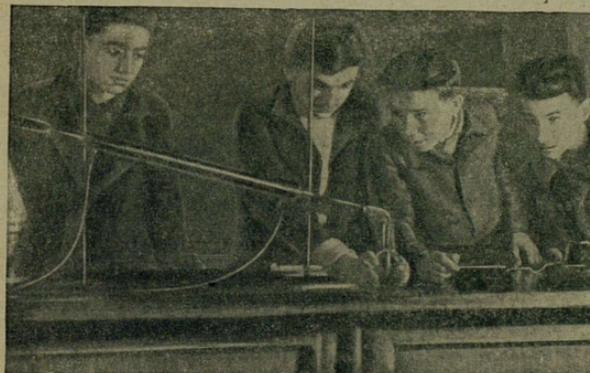
Вместе с мальчиками старшеклассницы учатся танцевать и готовятся к концертам.

Первоклассники учатся шить и штопать.

Физико-технический кружок.

Любители химии.

музеи и на выставки, коллективно ходят в кино и театр.

Вечера в мужской школе проходят так же интересно и деятельно, как и в женской. Первыми возвращаются в школу малыши. Под руководством своей учительницы Анны Ивановны Костыревой Женя Исаков, Лёша Королёв, Толя Петюев и их товарищи по классу учатся пришивать пуговицы, чинить порванную рубашку, штопать. Посмотрите, как ловко они орудуют ножницами и иголкой. Теперь в школе не увидишь неопрятно одетого первоклассника: у каждого все пуговицы на месте, карманы пришиты. Для завтраков ребята сшили белые салфетки.

Недавно в школе произошла авария с отоплением. Члены физико-технического кружка пришли на помощь: быстро заменили лопнувшую трубу новой, установили искусственную электрическую тягу. Так всегда бывает в школе. Все электромонтажные работы выполняют сами ученики. Они умеют исправить электроприборы и даже сами изготовляют приборы для наглядных занятий по физике. Всему этому они научились в физико-техническом кружке, которым руководит учитель физики Алексей Петрович Керман. Но самое интересное для кружковцев — это опыты по физике, и они настолько хорошо научились их делать, что теперь помогают Алексею Петровичу на практических занятиях не только в своём классе, но и в других. Все четырнадцать юных физиков являются лаборантами и помощниками преподавателя.

Любители химии по вечерам возятся у колб и реторт, наблюдают таинственные процессы химических реакций. Сейчас они уже сами читают своим товарищам доклады на химические темы.

— Как разделить семь групп

Кружок математиков.

Юные автомобилисты изучают двигатель...

Будущие пулемётчики.

поворну между шестью мальчиками, не разрезая при этом груши на шесть частей?

— Невозможно, — скажете вы.

Но вот члены математического кружка после долгих и жарких споров нашли правильный ответ. Здесь решаются и ещё более головоломные задачи. Посмотрели бы вы, какие тут разгораются споры! С какой гордостью объявляют юные математики о найдённом, наконец, решении! И, наверно, вы сами не удержались бы и, забыв обо всём, занялись очередной головоломкой.

Кто из ребят не мечтает стать бесстрашным танкистом?! Два раза в неделю члены школьного автомобильного кружка собираются в районном автоклубе. Они изучают здесь конструкцию автомобиля, разбирают двигатель. Скоро наступит день, когда юные автомобилисты впервые сядут на место шофера и поведут машину. А умение управлять автомобилем очень пригодится танкисту.

У будущих пулемётчиков сейчас настала самая интересная пора: они уже учатся стрелять из настоящего станкового пулемёта. Занимается с ребятами Борис Мойшес — фронтовик. Он учился в этой же школе и недавно, после ранения, вернулся домой. И похвала его, человека, побывавшего на фронте, особенно лестна для отличников военной учебы.

Все кружковцы хотят отлично стрелять, все хотят стать мастерами меткого пулемётного огня. Вот почему на занятиях у Бориса Мойшеса всегда такая строгая и внимательная тишина.

Занятия в кружках захватывают ребят, делают серьёзное и дисциплинированное, значительно расширяют их знания, дают им практические навыки в работе. Постепенно все ребята становятся активными участниками общественных начинаний в школе.

ПУСТЬ У ВЕСНУ ПИ САДЫ

Н. Надеждина

Рис: Ю. Кискачи

В парке, недалеко от левого крыла Гатчинского дворца, был расположен небольшой сад. Четырёхугольная площадка. В центре и по краям статуи. И кругом сирень, одна сирень.

Весной, в пору её цветения, трудно было представить себе что-нибудь более прекрасное. Снежная белизна статуй казалась ещё более чистой, почти сияющей среди моря лиловых цветов.

Сожжён дворец, возле которого цвёл сиреневый сад, и самый сад искалечили немцы. Варвары, потерявшие обличье человека, уничтожали всё на своём пути: города и сёла, фабрики и музеи, парки и сады.

Но уже дымят заводские трубы на освобождённой от немцев земле, встают из развалин города. С упорством и любовью советский народ будет восстанавливать и своё зелёное богатство — парки, сады.

Каждый из вас, ребята, может быть участником этого чудесного зелёного строительства.

Юные натуралисты Москвы готовят в подарок одной из шахт освобождённого Донбасса семена, корневища, кусты выращенных ими цветов. В Донбассе всегда любили цветы. Горняки, люди сурового напряжённого труда, знали: легче дышится, лучше работается, когда в окно заглядывают зелёные ветви, когда перед домом ковёр цветника. Точно бабочка развернула радужные крылья — раскрыл свои лепестки весенний цветок. Такой маленький. А посмотришь на него — и выпрямляется усталая спина, точно вдохнул он в тебя свою свежесть.

Так пусть же этой весной повсюду: перед школами, фабриками, больницами, на городских площадях, на широких дворах — зазеленеют сады. Сады, которые посадят пионеры и школьники — ты и твои друзья.

ОХОТНИКИ ЗА ЦВЕТАМИ

Если вы хотите, чтобы ваш цветник был хорош, пользуйтесь каждой возможностью добыть семена, клубни, корневища цветов. Подружитесь с местными цветоводами. Иной раз в скромном любительском саду может встретиться такая диковина, редкий ценный сорт, что диву дашься.

Особенно интересно добыть многолетние цветы: ирис, пионы, флоксы, туфельки, дельфиниум, — которые будут цвести в саду из года в год.

Летом, наблюдая за своим цветником, оставьте на семена лучшие цветы самых пышно цветущих, сильных, здоровых растений.

Много интересных находок можно сделать на берегу реки, на лугу, в лесу. Голубые незабудки, лесные ландыши, дикие ирисы, дельфиниумы можно пересадить в свой цветник.

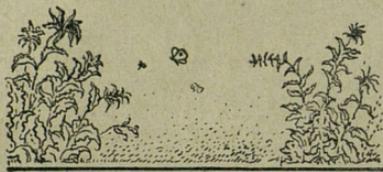
По сырым низинкам водится хмель. Он хорош для озеленения беседок, стен домов. Нежная зелень папоротников украсит

тенистый уголок сада. Чудесную живую изгородь можно устроить, обсадив сад кустами шиповника.

Если размеры цветника позволяют, устройте газон. Газон—это площадка, покрытая короткой, густой травой. На зелёном ковре газона особенно ярко выделяются клумбы с цветами. За семенами для газона можно не ходить в магазин: на лугах, по берегам рек, обочинам дорог можно собрать семена злаков с плотными кустиками: лисохвоста, тимopheевки, мятлика, овсяницы; хорош для газона и клевер.

Не всякий дикий цветок легко принимается в саду. Надо заботливо учесть все особенности его прежней жизни, его требования к влаге, почве, свету.

Чтоб лесные ландыши цвели в вашем саду, надо взять растения с той поляны, где вы прошлым летом видели цветущие ландыши, и посадить их в тенистом углу на низкую, удобренную перегноем клумбу.

ЖИВАЯ ПАЛИТРА

Иные цветы выращивают рассадой, а иные сеют прямо в грунт. Весной (до 10—15 мая) сейте в грунт каш, резеду, душистый горошек, календулу (ноготки), алиссум, адонис, нигеллу. Летом (в июне) можно сеять те же ноготки, мак, душистый горошек, а также астры, цинии, иберис, лупинус, настурции. Всё лето, до поздней осени, ваш сад будет в полном цвету.

Прежде чем начать разбивку цветника, сделайте на бумаге чертёж-проект. Наметьте линии главной и боковой дорожек, места и форму будущих клумб. А после перенесите свой чертёж на площадку. Для этого вам понадобятся верёвка, колышки и заострённая палка, ваш «карандаш».

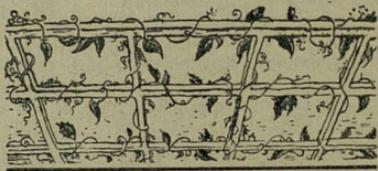
Чтобы клумба была красивая, надо правильно подбирать растения по краскам и по росту. В центре клумбы самые высокие и крупные растения; дальше — кругом или в шахматном порядке — растения пониже ростом, а по краям клумб бордюр (полоска) из совсем низеньких растений.

Посмотрите на свой сад глазами художника.

Не запестряйте клумб. Опытные садоводы говорят, что самые красивые те клумбы, которые засажены одним — двумя — тремя сортами растений. Например клумбы сплошь из бархатных анютиных глазок, а на этом бархатном фоне анютины глазки других сортов: тёмные, почти чёрные и золотисто-жёлтые.

Подбирая сочетания красок, приятные для глаза, вспомните, что вам говорил учитель рисования о цветах, дополняющих друг друга. Красный с голубовато-зелёным, оранжевый с голубым, жёлтый с синим, желто-зелёный с оранжевым — удачные сочетания. Красный, жёлтый, оранжевый выигрывают от сочетания с чёрным (то есть с растениями, у которых листва или цветы тёмного цвета, чисто чёрного цвета у цветов нет), красный — от сочетания с серебристо-серым, голубой, синий, фиолетовый — от сочетания с белым.

Чтобы наглядно проверить, удачное ли получается сочетание, нарисуйте предварительно макет клумб красками или цветными карандашами. Но надо сказать, что «живая палитра» — оттенки окраски цветов — гораздо богаче, нежнее и ярче.

САДОВНИК — АРХИТЕКТОР

Хороший садовник должен быть не только художником, но немного и архитектором. Есть растения с длинным, слабым стеблем, нуждающимся в опоре: садовые бобы, душистый горошек, высокая настурция, фигурная тыква, ипомея, дикий виноград, хмель и другие.

Этими свойствами растений и пользуется садовник-архитектор, чтобы ещё лучше украсить свой сад.

Тенистая беседка. Постройте из брусков остов. К верхней средней перекладине прибейте шест. От его вершины к углам крыши протяните верёвки. Цепляясь за верёвки, стебли посаженных вами вьющихся растений доползут до шеста, и получится зелёная беседка с остроконечной крышей.

В а з а. Вбейте в землю столбик (можно в центре круглой клумбы). Прибейте на него старый, брошенный за негодностью таз. Насыпав в таз земли, посадите в центре какие-нибудь крупные растения (например кохию, амарант), потом—растения пониже ростом (астры, львиный зев), а по краям — настурции.

Низко повиснут плети, усыпанные цветами, и, любуясь вазой, никто не догадается, что она сделана из проржавевшего таза.

Пирамида из хмеля. Если в вашем саду нет кустов, их зелень заменят пирамиды. Вычертите окружность. Вбейте в центр высокий кол, а по кругу—маленькие. От вершины большого кола к маленьким колышкам привяжите верёвки и направьте по ним стебли хмеля, дикого винограда или цветущих вьющихся растений. Устраивать пирамиду надо обязательно на газоне.

Очень украшают сад висячие гирлянды, протянутые вдоль дорожек. Перед кустиком дикого винограда вбивают колышек. От него направо и налево протянуты веревки к вершинам более высоких кольев. Подымаясь по верёвкам, плети дикого винограда пышными зелёными гирляндами повисают в воздухе.

Зелёная стена. Как красива стена дома, увитая вьющимися растениями! Неверно, будто от них разводится сырость. Правда, если позволить побегам закрыть крышу, не чистить, не вырезать старых ветвей, слой разлагающихся листьев и стеблей как губка, впитывая воду, действительно будет разводить сырость. Но виноваты в этом не свойства растения, а нерышлый, ленивый садовник.

Наоборот, при хорошем уходе вьющиеся растения осушают сырые дома, вытягивая влагу из стен своими воздушными корнями, а подземными осушая землю около фундамента. Народ, живущий в сыром, мокром климате, — шведы и англичане — именно для защиты от сырости украшают свои дома вьющимися растениями.

ОХРАНА ЗЕЛЕННЫХ БОГАТСТВ

Здесь было рассказано об одной из работ участника зелёной стройки — об озеленении участка, о цветнике.

Нуждаются в ваших заботливых руках и зелёные насаждения городов и сёл. Нужно взять под охрану сады и парки, полечить больные деревья, украсить родной город новыми садами и цветниками.

В следующих номерах мы будем печатать советы в помощь вам. Но кое-что нужно сделать сейчас же, немедленно.

Осмотрите деревья и кустарники, которые растут на вашей улице, возле школы или вашего дома, обрежьте или спилите сухие, загнившие ветви.

Все раны и садины замажьте свинцовыми белилами, варом или асфальтом. Небольшие ранки, порезы на коре присыпьте толчёным углем. Это такой же антисептин для растений, как йод для человека.

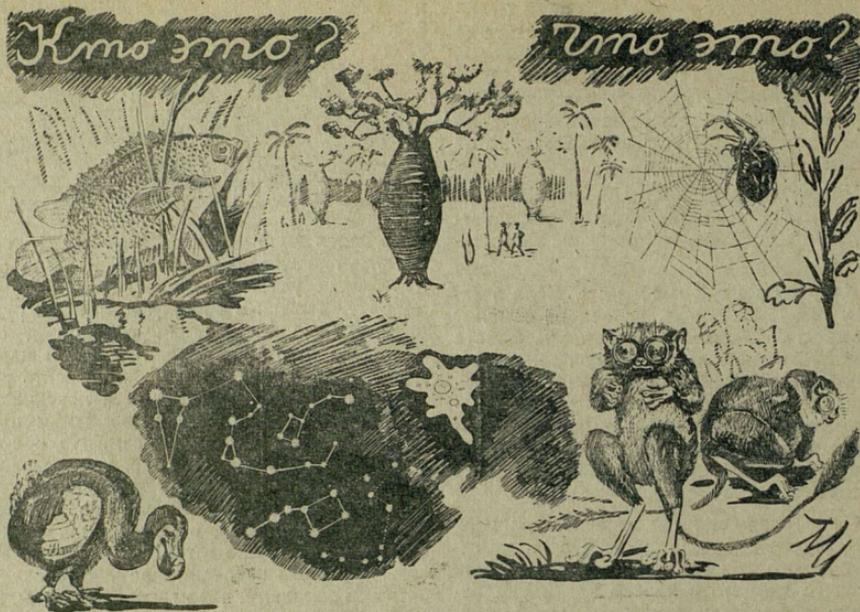
Выскоблите гниль из дупел и зацементируйте дупла. Разрыхлите и удобрите перегноем землю вокруг каждого дерева.

Около небольших деревьев вбейте с южной стороны крепкие колья и привяжите к ним, не очень туго (петлёй-восьмёркой), стволы.

В одном из наших центральных городов стали чахнуть и гибнуть кустарники на бульварах из-за того, что прохожие бросали в них окурки и бумажки, а подметальщики, выскребая мётлами сор, ранили кору кустов.

Гуляя в парке, в сквере, на бульваре, не позволяйте никому засорять траву и кусты, топтать газоны, ломать ветки, вырезать на деревьях буквы.

Эти деревья сажали ваши отцы и деды. Берегите это живое наследство — красоту родной земли.

СОДЕРЖАНИЕ

Будь готов! — Стихи З. Александровой	2-я п. обл.	Капитан Немо. — Ник. Чуковский. Рис. В. Цельмера	18 стр.
XII пленум ЦК ВЛКСМ	1 стр.	Н. А. Римский-Корсаков — Б. Левин. Рис. Т. Чертовой	23 .
Победа моря. Часть первая. — Повесть Сергея Григорьева. Рис. П. Кузьмичева	2 .	Страницы из русской истории	24 .
Украине. Весна. — Стихи Мих. Стельмаха. Перевод Н. Кончаловской. Рис. Евг. Эндриксон	12 .	После уроков	25 .
Медицинская сестра. — Разговор с фронтовиками	13 .	Пусть цветут сады. — Н. Надеждина. Рис. Ю. Каскачи	29 .
Лёгкая атлетика — Заслуженный мастер спорта Н. Озолин. Рис. А. Брея	16 .	Чудеса на грядках	3-я п. обл.

На обложке рисунки А. Брея

Редколлегия: Атаров Н. С., Баканов Н. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Кононенко Е. В., Маршак С. Я., Сафонов В. В., Сысоева А. А.

Подписано к печати 3/У—44 года.

Изд. № 289.

А5150.

82×110.

1/16 бум. листа.

76 999 печ. зн. в печ. листе.

2 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Зак. 624.

Тираж 24 000 экз.

ЧУДЕСА на грядках

История, рассказанная в этой книге¹, начинается с пустыря, с бесплодной, заросшей бурьяном и крапивой.

В один погожий весенний денёк на пустырь пришло шестеро друзей, шестеро юных огородников. И вот тут-то начались чудеса. Шесть лопат перекопали и разрыхлили землю, и тотчас к нашим друзьям присоединилось множество помощников: солнце, дождь, ветер, невидимые глаза мельчайших существ—микробы. Они отогревали почву, насыщали её влагой, обогащали питательными веществами.

Дружно трудились маленькие огородники. И скоро ты не узнал бы пустыря. Привольной жизни его прежних обитателей—сорных трав—пришёл конец, им объявили беспощадную войну. В их владениях появились новые поселенцы: картофель, огурцы, капуста, петрушка, морковь, лук, помидоры... Некоторые из этих растений были изнеженные теплом южане, но о них хорошо позаботились. Для них было продлено лето: в комнате, на солнечном окне, была создана для них маленькая «бразилия», и на огород они переселились уже в тёплые дни. «Под ноги» им клали «грелки»—устранивали тёплые грядки, закладывая в землю горячий навоз. И южные кабачки, помидоры, тыквы вместе с капризным уроженцем Ост-Индии огурцом превосходно выросли под нашим северным небом.

Много пришлось потрудиться ребятам, прежде чем настал тот счастливый день, когда они отнесли в госпиталь раненым пслую корзиночку свежих овощей со своего собственного огорода. Многому они должны были научиться, о многом узнать.

Всё это узнаешь теперь и ты.

Книга Н. Надеждиной «Чудеса на грядках» раскрывает секреты власти человека над природой. Прочитай её, ты узнаешь, как можно наперекор морозу начать на своём огороде весну на месяц раньше, как получить два урожая с одной грядки, как из одной луковицы сделать три, как вырастить пуд кертофеля из одного только клубня, а трём картофелинами засеять целый огород. Ты узнаешь, какие операции делают растениям опытные огородники, и сам научишься совершать их. Ты узнаешь, как человек по своему желанию управляет растениями, изменяет их, приспособливает к своим целям.

Книга эта очень увлекательно написана,

¹ Н. Надеждина «Чудеса на грядках». Детгиз. 1943.

и ты прочтёшь её с таким же захватывающим интересом, как повесть, полную волшебных приключений. Да она и в самом деле полна ими. Она показывает тебе чудесное и замечательное в самом простом; она расширяет твоё зрение, ты многое теперь увидишь там, где раньше не примечал ничего. В самом деле, разве при взгляде на соседа, перекапывающего осенью землю в своём огороде, тебе приходило в голову, что перед тобой могучий чародей? А теперь ты, вероятно, охотно согласишься с этим, узнав, что происходит в почве, когда врзается в неё летята огородника, какие катастрофы производит она в подземных убежищах, куда направлялись на зиму вредные насекомые—гусеницы, личинки, жуки.

Немало других чудесных историй узнаешь ты из этой книги. А главное, тебе и самому захочется устроить свой огород и выращивать овощи. Ну что ж, превосходно! Принимайся за дело, а книжка поможет тебе и твоим товарищам.

Дочитай её до конца, ты не расстанешься с нею—она станет твоим повседневным советником.

Сейчас весна. Раскрывай книжку на 33-й странице и вступай в битву с весенними заморозками, удлиняй лето, устраивай тропики в комнате. На твоём окне появятся ящики с расседой. Твои руки станут волшебными. Ты будешь пробуждать семечко от спячки, вызывать к жизни зелёный росток и по своему произволу ускорять или замедлять его развитие. Из милого дневника ты узнаешь правильные сроки сева и научишься так размещать разные овощи на огороде, чтобы соседство было дружным, чтобы растения не воевали из-за света и пищи, а помогали друг другу, чтобы горох защищал от северного ветра огурцы, а помидоры укрывали в своей лёгкой тени цветную капусту.

Быстро побегут летние дни—и всё чаще и чаще ты будешь заглядывать в книгу за советом: как поливать, полоть, окучивать, подкармливать растения, как справиться с нашествием сорняков, этим разбойничьим племенем, разными хитростями проникшим в твою огородную страну.

В книге «Чудеса на грядке» описан целый год из жизни маленьких огородников. И тебе она будет помогать круглый год, в любое время. Это твоя огородная энциклопедия. Посоветуй её товарищам, работающим с тобой вместе на пришкольном огороде, и не забудь положить её в свой рюкзак, если поведешь с отрядом в колхоз.

54

Знаешь ли ты птиц, нарисованных здесь? Грач, иволга, скворец, трясогузка, мухоловка-пеструшка, белая горихвостка, ласточка-касатка, канюк — все эти птицы — друзья и помощники садовода и огородника.

Первыми прилетают к нам грачи. Как только сойдёт снег с пригорков, они возвращаются в свои прошлогодние гнёзда. За ними спешат скворцы, жаворонки, зяблики.

Вд время ледохода появляются небольшие птички — трясогузки. «Трясогузка хвостом лёд разбивает», — говорит народная поговорка. С криком проносятся стаи гусей, уток, журавлей, цапель, куликов. Немного позднее прилетают хищные птицы: пустельги, канюки.

В конце апреля — начале мая, когда покроются зелёным пухом деревья, летят насекомоядные птицы: горихвостки, миниатюрные, меньше воробья, мухоловки-пеструшки, кукушки, ласточки.

Последними — в конце мая — прилетают золотистые иволги, садовые славки, жуланы.

Стаями налетают грачи на свежеспаханные поля. Они тщательно выбирают из вывороченных

земляных пластов червей, личинок, майских жуков, щелкунов и кузек. В желудке одного грача нашли 185 севкловичных долгоносиков, а у другого — 500 проволочных червей.

Проследите, сколько раз вылетает из своего гнезда за добычей скворец. Он без передышки таскает своими прожорливым птенцам огромных гусениц, личинок, майских жуков, слизней, мух, оводов и слепней, досаждающих домашним животным, и нередко падает от усталости на землю.

Там, где поселятся горихвостки, белые трясогузки, мухоловки-пеструшки, ласточки, меньше станет мух, оводов и других летающих насекомых.

Подсчитано, что за 50 летних дней канюк, или сарыч, съедает не меньше 265 вредных грызунов — мышей и полёвок.

Охраняйте птиц, живущих в вашем районе. Не позволяйте никому разорять птичьи гнёзда и убивать полезных птиц. Развесть с осени или ранней весной побольше скворечниц и дуплянок для прилётных гостей. Посадите в своём саду или вокруг огорода кустарник-ягодник. Вы соберёте урожай вкусных ягод и дадите приют птицам, гнездящимся в зарослях.